

III Международная научная конференция
«Архивное востоковедение»
Москва, 12–14 ноября 2014 г.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт востоковедения РАН

Публикуется в авторской редакции

Утверждено Институтом востоковедения РАН

Верстка *Ельцевой А.В.*

Подписано в печать 30.10.14.
Формат 60×84/16. Уч.-изд. л. 5,4. Усл. п. л. 8,37.
Тираж 300 экз.

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом А. В. Сарабьев
E-mail: izd@ivran.ru

**III Международная научная конференция
«Архивное востоковедение»
Москва, 12–14 ноября 2014 г.**

Программа
Тезисы докладов
Список участников

Москва
2014

SUMMARY

The book is devoted to the III International scientific conference on use of archives in oriental studies held at the Institute of the Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, in Moscow between 12 and 14 November, 2014. It includes List of the members of the Organizational Committee, the Program of the conference, abstracts of research papers presented to the conference, List of participants to the conference. Appendix includes information on the “Oriental Archive” scientific magazine published by the Institute of the Oriental Studies since 1998.

Ответственный редактор — В. В. Беляков

III Международная научная конференция «Архивное востоковедение». Материалы конференции / Институт востоковедения РАН. — М.: ИВ РАН, 2014. — 144 с.

ISBN 978-5-89282-615-0

традиционных востоковедных центров, как Москва, Санкт-Петербург или Казань, но также из Екатеринбурга и Липецка, Новосибирска и Владивостока, Иваново и Иркутска. Публиковались в журнале и иностранные исследователи — как из ближнего зарубежья (Украина, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан), так и из дальнего (Болгария, Венгрия, Германия, Япония, Израиль, Тунис, Египет, Турция).

Журнал выходит два раза в год, в мае и в ноябре. На него можно подписаться по каталогу «Пресса России» (индекс 65049). Начиная с №24 полнотекстовая версия журнала публикуется также на сайте Института востоковедения РАН, раздел «Периодические издания». Там же опубликован список статей, вошедших в первые 23 номера «Восточного архива». Выпуски журнала разных лет можно приобрести в редакции (Рождественка 12, Институт востоковедения РАН, комн. 213) по понедельникам и средам, с 12.00 до 14.00.

«Восточный архив» не входит пока в список, рекомендованный ВАК для публикации статей, которые засчитываются при защите диссертаций. Однако он реферировается Российским индексом научного цитирования.

Статьи для публикации в «Восточном архиве» следует присылать на его электронный адрес: orientalarchive@yandex.ru. Редакция принимает к рассмотрению материалы объемом не более 1,0 авторского листа.

В 2013 году Институт востоковедения РАН начал издавать книжную серию «Библиотека журнала “Восточный архив”». В эту серию решено включать небольшие, до 10 а.л., сборники документов и монографии, основанные на архивных материалах. В 2013 году вышла монография А. В. Антошина «Золото Сеннара. Египет и Судан глазами уральского мастера золотодобычи XIX века» и подготовленный В. В. Беляковым сборник хождений «Египет глазами россиян XV–XVIII веков». В настоящее время в этой серии готовится к печати монография В. В. Белякова «Сфинксы над Невой. Египет в русской культуре».

Редколлегия

СОДЕРЖАНИЕ

Оргкомитет конференции.....	5
Программа конференции.....	7
Тезисы докладов.....	13
Список участников конференции	131
Приложение. О журнале «Восточный Архив».....	140

ных и ведомственных архивов. Это Государственный архив Российской Федерации, Архив внешней политики Российской Империи, Архив внешней политики Российской Федерации, Российский государственный военно-исторический архив, Российский государственный архив Военно-морского флота, Российский государственный исторический архив. Немало заслуживающих внимание востоковедов документов хранится в Архиве РАН и его петербургском филиале. Но даже в этих в целом неплохо каталогизированных архивах восточные документы по существу не описаны. Что же касается других архивов, то документы по странам Востока, хранящиеся там, обычно не выделены в отдельные фонды, описаны довольно поверхностно и не полно, а изучены фрагментарно. Можно быть уверенным в том, что дальнейшее выявление материалов в эти архивах, в первую очередь региональных, практически неизвестных востоковедам, сулит немало ценных находок. Так что выявление и описание востоковедных фондов в российских архивах, как центральных, так и местных, — большое и важное дело на длительную перспективу. На некотором отдалении просматривается систематическая целенаправленная работа в соответствующих архивах ближнего и дальнего зарубежья.

В этой связи особенно актуальной становится широкая кооперация востоковедов и профессиональных архивистов, работников архивов. Одной из форм такого сотрудничества и является специальное периодическое научное издание — журнал «Восточный архив». Он сочетает, с одной стороны, профессиональный уровень публикации документа, а с другой — компетентный комментарий ориенталиста.

В настоящее время архивные фонды стали более доступны для исследователя. Это создает благоприятные условия для энергичного развития одного из классических направлений в отечественном востоковедении.

Журнал «Восточный архив» издается Институтом востоковедения РАН с 1998 года. За это время вышли 30 номеров, в которых публиковались статьи специалистов со всей России — не только из таких

ПРИЛОЖЕНИЕ

О журнале «Восточный архив»

Отечественное востоковедение располагает огромным фондом архивных материалов по различным отраслям ориенталистики, по многим странам и народам Востока. Среди этих материалов — официальные документы (донесения дипломатов и прочее), обзоры и записки востоковедов, верой и правдой служивших Отечеству; это и личные дневники, воспоминания, карты, письма, фотографии, зарисовки, которые также являются ценнейшими источниками для историков. Без этого обширного наследия невозможно представить себе любые востоковедческие изыскания, будь то философия, история, экономика, политика или культура стран Востока.

Выявление и сбор архивных материалов — процесс трудоемкий. Эти материалы порой весьма различны по характеру, степени достоверности, сохранности и читаемости. Хранилища и архивные собрания и коллекции, где могут обнаружиться востоковедные архивные материалы, часто даже не предсказуемы, и потому архивные изыскания можно приравнять к научной экспедиции, а находку неизвестного ранее для науки документа — к открытию нового исторического памятника.

В отечественном востоковедении сбор, научная обработка и публикация письменных источников, в том числе и архивных, традиционно были одним из приоритетных направлений. Нынешний интерес к изысканиям и публикациям архивных раритетов связан не только с чисто научными, академическими задачами. В наше время активно развивается практическое востоковедение, что вызвано как усилением роли стран Востока в мировой экономике и политике, так и появлением на южных границах России независимых центральноазиатских и закавказских государств, бывших прежде частью единого СССР.

Материалы, представляющие интерес для востоковедов, тем или иным образом выделены лишь в небольшом числе государствен-

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель оргкомитета:

НАУМКИН Виталий Вячеславович, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, директор Института востоковедения РАН.

Заместители председателя оргкомитета:

БЕЛЯКОВ Владимир Владимирович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, главный редактор журнала «Восточный архив».

ВАСИЛЬЕВ Дмитрий Дмитриевич, кандидат исторических наук, профессор, заведующий Отделом истории Востока Института востоковедения РАН.

Члены оргкомитета:

ВАСИЛЬЕВ Александр Дмитриевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

ЗЕЛЕНИНА Людмила Владимировна, научный сотрудник Института востоковедения РАН.

КАДЫРБАЕВ Александр Шайдатович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН.

РОМАНОВА Наталья Геннадьевна, кандидат исторических наук, ученый секретарь Института востоковедения РАН.

ТИМОХИН Дмитрий Михайлович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН.

ФИЛИППОВА Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

ЧАРЬЕВА Наталья Какабальевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Ученый секретарь:

КУРНИКОВА Оксана Михайловна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН.

65. Муканова Гюльнар (Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан).

E-mail: Gulnar.Mukanova@kaznu.kz.

66. Konczak Izabela (Кончак Изабела) (Department of Middle East and North Africa, University of Lodz; Кафедра Ближнего Востока и Северной Африки Лодзинского университета, Польша).

E-mail: izakonczak@gmail.com.

67. Tuncay Ogun (Mugla Sitki Koman University, Ankara, Turkey).

E-mail: tuncayogun@hotmail.com.

ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ

12 ноября, среда

57. Сухов Николай Вадимович (ИВ РАН).
E-mail: soukhov@yandex.ru.
58. Тишин Владимир Владимирович (ИВ РАН).
E-mail: tihij-511@mail.ru.
59. Филиппова Татьяна Александровна (ИВ РАН).
E-mail: filipova2006@yandex.ru.
60. Хохлов Александр Николаевич (ИВ РАН).
E-mail: orientalarchive@yandex.ru.
61. Христофоров Василий Степанович (Центральный архив
ФСБ России).
E-mail: dxoxlov@list.ru.
62. Черешнева Лариса Александровна (Липецкий государствен-
ный педагогический университет).
E-mail: chara.62@mail.ru.
63. Ягафарова Г.Н. (Институт истории, языка и литературы
Уральского научного центра РАН, Уфа).
E-mail: rishrinat@mail.ru.

Иностранные участники

64. Нейматзаде Сабина Алескер кызы (Институт Рукописей
имени М. Физули, Национальная академия наук Азербай-
джана, Баку).
E-mail: nematzadesabina@yahoo.com.

- 10.00.** Регистрация участников конференции.
- 11.00.** Открытие конференции. Пленарное заседание (зал Ученого со-
вета).
Приветствия представителей оргкомитета и дирекции ИВ РАН.
Презентация журнала «Восточный архив».
Загородникова Т.Н. К вопросу о сотрудничестве в архивных исследо-
ваниях.
- 11.30–12.00.** Перерыв (кофе и чай в перерывах в конференц-зале,
комната 222).
- 12.00–14.00.** Утреннее заседание. Председатель — А. Ш. Кадырбаев.
Филиппова Т.А. Образ турка в русской журнальной сатире эпохи Пер-
вой мировой войны.
Соколовская О.В. На пути к Константинополю: англо-греческие пере-
говоры и подготовка операции в Проливах. 1914–1915 гг.
Сибгатуллина А.Т. Сарыкамышская операция в свете новых публика-
ций на турецком языке.
Васильев Д.Д. Материалы русских научных экспедиций в Восточной
Анатолии в период Первой мировой войны.
Tincau Ogun. Iran Policy of the Ottoman Empire and Iranian Kurds at the
World War I in the Eyes of the Ottoman Press.
Бухерт В.Г. «Нам нужно очень тщательно соизмерять наши первые
шаги в Цареграде». Записка академика Ф.И. Успенского. 1915 г.
Аникеева Т.А. Первая мировая война в турецком фольклоре.
Зеленина Л.В. Российская Центральная Азия в канун Первой мировой
войны. По материалам газеты “The Times”.
- 14.00–15.00.** Перерыв.

15.00–16.30. Вечернее заседание. Председатель — Д. Д. Васильев.
Горячкин Г. В. Русское присутствие в Палестине после Первой мировой войны.

Доного Х. М. Четвертое пополнение 2-го Дагестанского конного полка.
Познахирев В. В. Военнопленные и «гражданские пленные» Османской империи в России в 1914–1918 гг.

Сенюткина О. Н. Архивные документы о настроениях российских мусульман в годы Первой мировой войны.

Беляков В. В. Бывшие русские военнопленные в Египте. 1918–1920 гг.

Хохлов А. Н. Первые жертвы из россиян-китаистов в период Первой мировой войны.

Лебединский В. В., Пронина Ю. А. Презентация документальных фильмов о действиях русской армии на Кавказском фронте в годы Первой мировой войны.

16.30–17.00. Перерыв.

17.00–18.30. Продолжение вечернего заседания.

Масликов С. Ю. Перевод и сравнительный анализ таблицы звезд из зиджа арабского ученого IX в. Хабаша аль-Хасиба.

Арсланова А. А. Персоязычные рукописи по астрономии в фондах Научной библиотеки им. Н. Н. Лобачевского Приволжского федерального университета.

Базиленко И. В. Материалы по истории Ирана и Афганистана в архивах Санкт-Петербурга.

Бустанов А. К. Личный архив татарского археографа Альберта Фатхи и восточная археография в Казанском университете во второй половине XX в.

Громова Н. В. Африканистика в архивных материалах РГАСПИ.

Масликов С. Ю. Работы востоковеда Б. А. Дорна (1805–1881), посвященные научным инструментам прошлого, в частности, астролябиям.

Корнилов А. А. Коллекция документов британского Министерства по делам колоний в Библиотеке Асада (Дамаск): происхождение, комплектование, описание, источниковая ценность.

48. Прудников Виталий Владимирович (ИВ РАН).
E-mail: gviskar@mail.ru.

49. Сень Дмитрий Владимирович (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону).
E-mail: dsen1974@mail.ru.

50. Сенюткина Ольга Николаевна (Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова).
E-mail: senutkina@mail.ru.

51. Сибгатуллина Альфина Тагировна (ИВ РАН).
E-mail: alфина2003@yandex.ru.

52. Смирнова Ирина Юрьевна (Институт российской истории РАН).
E-mail: irinasmirnowa@mail.ru.

53. Соколов Анатолий Алексеевич (ИВ РАН).
E-mail: ansokolov@mail.ru.

54. Соколовская Ольга Владимировна (Институт славяноведения РАН)
E-mail: elolga@mail.ru.

55. Столяров Александр Александрович (ИВ РАН).
E-mail: astol007@gmail.com.

56. Сусеева Данара (Калмыцкий государственный университет, Элиста).
E-mail: suseeva@gmail.com.

13 ноября, четверг

41. Лукоянов Игорь Владимирович (Санкт-Петербургский институт истории РАН).
E-mail: lukoianov@yandex.ru.
42. Марахонова Светлана Ивановна (Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург).
E-mail: pet.1703@inbox.ru.
43. Масликов Сергей Юрьевич (директор Детско-юношеского центра «Планетарий», Новосибирск; соискатель Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН).
E-mail: s.maslikov@mail.ru.
44. Мусаев Махач Абдулаевич (Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, Махачкала).
E-mail: mahachmus@gmail.com.
45. Мустафина Дина Абдулбаровна (Приволжский федеральный университет, Казань).
E-mail: maktub29@yandex.ru.
46. Познахирев Виталий Витальевич (Смольный институт Российской академии образования, Санкт-Петербург).
E-mail: vvkr@list.ru.
47. Почекаев Роман Юлианович (Научно-исследовательский университет Высшая школа экономики, Санкт-Петербург).
E-mail: ropot@mail.ru.

10.00–12.00. Утреннее заседание. Председатель — В. В. Беляков.
Васильев А. Д. Материалы Архива РАН о реформе письменности тюркских народов СССР в 1920-х — 1930-х гг.
Карташов А. А. Характеристика режима Надир-шаха в Афганистане в документах Центрального архива ФСБ (1929–1933 гг.).
Курникова О. М. Население эялета Кефе в XVI–XVIII вв. по материалам турецких и российских архивов.
Лисицына Н. Н. Цензурная обработка официальной публикации документов по демаркации границ в Афганистане в 1885 г.
Кункова В. И. Арабские средневековые рукописи по истории торговых отношений при первых Аббасидах из коллекции Института восточных рукописей РАН.
Мустафина Д. А. Документальные материалы о служилых татарах в древлехранилищах Казани.
Познахирев В. В. Документы архивного фонда РФ о турецких военнопленных в России в XVIII — начале XX в.
Сень Д. В., Мустахимов И. А. Османо-турецкие документы второй половины XVI в. и дискуссионные вопросы истории донского казачества.

12.00–12.30. Перерыв.

12.30–14.00. Продолжение утреннего заседания.

Почекаев Р. Ю. Политика российских властей по «эмансипации» женщин в Казахстане и Средней Азии в конце XIX — начале XX в.
Прудников В. В. Особенности и характер двух «норманнских» хроник первого крестового похода.
Нейматзаде С. А. Восточно-мусульманские рукописи с художественным оформлением в фондах Института рукописей им. М. Физули Национальной академии наук Азербайджанской Республики.
Мусаев М. А. Арабоязычные материалы XIX в. в Центральном историческом архиве Грузии: опыт выявления и изучения.

Муканова Г. Новые исследования архивных фондов по истории Казахстана и Центральной Азии.

Дацьишен В. Г. Рукописные работы российских востоковедов по истории Центральной и Восточной Азии в фондах казанских архивохранилищ.

14.00–15.00. Перерыв.

15.00–16.30. Вечернее заседание. Председатель — А. Ш. Кадырбаев.

Сухов Н. В. Архивы русской эмиграции в Марокко.

Валеев Р. М. Истоки университетской иранистики в Казани (XIX — начало XX в.): материалы Национального архива Республики Татарстан.

Валеев Р. М., Тугужекова В. Н., Валеева Р. З. Из эпистолярного наследия Н. Ф. Катанова. Письма российским востоковедам (конец XIX — начало XX в.) из фондов СПб филиала Архива РАН.

Зяппаров Т. И., Валеев Р. М. Из истории российской арабистики XIX в.: неопубликованные письма Мирзы А. К. Казем-бека академику Х. Д. Френу (1831–1846 гг.).

Лукоянов И. В. Писатель, журналист, политический агент, востоковед: бумаги Сергея Николаевича Сыромятникова.

16.30–17.00. Перерыв.

17.00–18.30. Продолжение вечернего заседания.

Федорченко Р. Г., Валеев Р. М. Казанское университетское китаеведение (первая половина XIX в.): обзор и характеристика новых архивных материалов.

Ягафарова Г. Н. Из истории тюркской лексикографии: о «Кратком татарско-русском словаре» Н. Ф. Катанова.

Кульганек И. В. А. В. Бурдуков (1883–1943) в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН.

Марахонова С. И. Документы из архивов Гарварда о жизни и деятельности японоведа Сергея Елисеева.

Кончак Изабелла. Письма профессора Тадеуша Ковальского академику И. Ю. Крачковскому, хранящиеся в СПб филиале Архива РАН.

32. Котюкова Татьяна Викторовна (Институт всеобщей истории РАН).

E-mail: kotyukovat@mail.ru.

33. Кульганек Ирина Владимировна (Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург).

E-mail: kulgan@inbox.ru.

34. Кункова Вероника Ильинична (Восточный факультет СПбГУ).

E-mail: veronikakunkova@yandex.ru.

35. Курникова Оксана Михайловна (ИВ РАН).

E-mail: lineroxana@inbox.ru.

36. Лапин Павел Андреевич (МИД).

E-mail: waijiao2000@mail.ru.

37. Лебединский Виктор Викторович (ИВ РАН).

38. Лещенко Нелли Федоровна (ИВ РАН).

E-mail: tokhis@mail.ru.

39. Лисицына Наталья Николаевна (Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова).

E-mail: lisitsyna2n@mail.ru.

40. Локшин Александр Ефимович (ИВ РАН).

E-mail: ale-lokshin@yandex.ru.

24. Загородникова Татьяна Николаевна (ИВ РАН).
E-mail: tnzag@mail.ru
25. Зеленина Людмила Владимировна (ИВ РАН).
E-mail: sheremetv@mail.ru.
26. Кадырбаев Александр Шайдатович (ИВ РАН).
E-mail: kadyr_50@mail.ru.
27. Карташов А. А. (Центальный архив ФСБ России).
E-mail: archivfsb@fsb.ru.
28. Климов Вадим Юрьевич (Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург).
E-mail: klimovvadim@rambler.ru.
29. Копоть Евгений Михайлович (МГГУ им. М. А. Шолохова).
E-mail: jenius1@yandex.ru.
30. Корнилов Александр Алексеевич (Институт международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского).
E-mail: kotva64@mail.ru.
31. Королева Валентина Алексеевна (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, Владивосток).
E-mail: koroleva_val@mail.ru.

Тишин В. В. Забытое имя в историографии социальной истории древних тюрков: А. С. Букшнан.
Жамсаранова Р. Г. Ревизские описи тунгусов как ценный ономастический материал.

14 ноября, пятница

10.00–12.00. Утреннее заседание. Председатель — В. В. Беляков.
Аверьянов Ю. А. Османские документы в архиве русского Пантелеймонова монастыря на Афоне: общая характеристика.
Антошин А. В. Русские антикоммунисты в Северной Африке: документы марокканского отдела НТС из архивов Германии и США.
Валиахметова Г. Н. Материалы по нефтяной проблематике Ближнего Востока первой половины XX в. в фондах Национальных архивов Великобритании.
Герд Л. А. Архивные материалы о деятельности архимандрита Антонина (Капустина) на христианском Востоке в 1850-е годы.
Жерлицына Н. А. Освещение Бизертинского кризиса в Тунисе в 1961–1962 гг. в советской прессе.
Смирнова И. Ю. Церковно-дипломатическое присутствие Великобритании в Святой Земле накануне Крымской войны (по материалам российских и британских архивов).
Копоть Е. М. Эволюция русских дипломатических учреждений в Сирии в конце XIX века.
Вах К. А. История открытия российского консульства в Иерусалиме в свете новых архивных документов.
Гусева Ю. Н. Мусульманская «секта» ваисовцев в начале 1920-х годов (по материалам Центрального архива ФСБ РФ).

12.00–12.30. Перерыв.

12.30–14.00. Продолжение утреннего заседания.

Котюкова Т. В. «Уходящая натура...» Визуализация образов Русского Туркестана в воспоминаниях Елизаветы Николаевны Маллицкой.

Сусеева Д. Язык деловых писем Астраханского губернатора В. Н. Та-тищева (на материалах документов Национального архива Республики Калмыкия).

Арапов Д. Ю. Архивные материалы Среднеазиатского Бюро ЦК ВКП(б) как источник по истории Советского Востока.

Черешнева Л. А. Проблема интеграции княжества Хайдарабад во второй половине 1947 и 1948 гг. (по документам Национального архива Индии).

Столяров А. А. 10 лет Индийской национальной миссии рукописей.

Соколов А. А. Советская военная миссия в Сайгоне в конце 1946 — начале 1947 г.: новые архивные материалы.

14.00–15.00. Перерыв.

15.00–16.30. Вечернее заседание. Председатель — Д. Д. Васильев.

Досовитская В. В. Маньчжуро-Монголия в планах Японии накануне Второй мировой войны (по материалам советских архивов).

Христофоров В. С. Документы архивов ФСБ России по истории Монголии.

Латин П. А. Основы маньчжурского законотворчества в монгольских княжествах в Китае во время династии Цин (вторая четверть XVII — вторая половина XIX вв.).

Королева В. А. Музыка и театр Востока в восприятии отечественных и зарубежных исследователей конца XIX — начала XX в. (по материалам Российского государственного исторического архива Дальнего Востока).

Климов В. Ю. Источник по российско-японским отношениям XVIII–XIX вв.

Леценко Н. Ф. Остров Сахалин в донесениях Е. В. Путятина (по материалам АВПРИ).

Кадырбаев А. Ш. К вопросу о Русской Америке (по материалам РГА ВМФ).

16.30–17.00. Перерыв.

17.00. Пленарное заседание. Закрытие конференции.

17.30. Коктейль (комн. 222).

16. Горячкин Геннадий Васильевич (ИСАА МГУ).
E-mail: goriachkin30@mail.ru.

17. Громова Нелли Владимировна (ИСАА МГУ).
E-mail: gromova@iaas.msu.ru.

18. Гусева Юлия Николаевна (Московский городской педагогический университет, Самарский филиал).
E-mail: j.guseva@mail.ru.

19. Дацышен Владимир Григорьевич (Сибирский федеральный университет, Красноярск).
E-mail: dazishen@mail.ru.

20. Доного Хаджи Мурад (Дагестанский государственный объединенный исторический и архитектурный музей, Махачкала).
E-mail: donogo@yandex.ru.

21. Досовитская Вера Валерьевна (ИВ РАН).
E-mail: tokyo4vera4ever@gmail.com.

22. Жамсаранова Раиса Гандыбаловна (Забайкальский государственный университет, Чита).
E-mail: rebeca_zab@mail.ru.

23. Жерлицына Наталья Александровна (Институт Африки РАН).
E-mail: jerlitsina2008@yandex.ru.

8. Бустанов Альфريد Кашшафович (Европейский университет, Санкт-Петербург; Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Приволжского федерального университета, Казань).
E-mail: alf_b@list.ru.
9. Бухерт Владимир Генрихович (Архив РАН).
E-mail: buhert-1955@mail.ru.
10. Валеев Рамиль Миргасимович (Институт востоковедения Приволжского федерального университета, Казань).
E-mail: valeev200655@mail.ru.
11. Валиахметова Гульнара Ниловна (Уральский федеральный университет, Екатеринбург).
E-mail: vgulnara@mail.ru.
12. Васильев Александр Дмитриевич (ИБ РАН).
E-mail: advasilyev@mail.ru.
13. Васильев Дмитрий Дмитриевич (ИБ РАН).
E-mail: dmivas46@mail.ru.
14. Вах Кирилл Алексеевич (издательство «Индрик», Москва).
E-mail: k_vach@mail.ru.
15. Герд Лора Александровна (Санкт-Петербургский институт истории РАН).
E-mail: loragerd@gmail.com.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Ю. А. Аверьянов

Общая характеристика османских документов XV–XVIII вв. из архива Русского Свято-Пантелеймонова монастыря на Афоне

Древнейшим из обнаруженных на сегодняшний день османских документов из архива Русского Свято-Пантелеймонова монастыря на Афоне является фирман (указ) турецкого султана Мухаммеда (Мехмеда) II Завоевателя (годы правления 1451–1483), датированный последними числами месяца *рамазана* (*рамадана*) 883 года хиджры (соотв. концу декабря 1478 г.). Этот указ сохранился во вполне удовлетворительном виде, однако его верхняя часть вместе с султанской *тугрой* (монограммой султана) и начальными приветственными формулами оторвана, хотя в тексте самого фирмана тугра упоминается. Указ составлен в Стамбуле (Константинополе), как и большинство последующих султанских указов Османов.

Из текста фирмана явствует, что к султану Мехмеду обратился с прошением некий христианин (букв. *зимми*, т. е. «покровительствуемый») Фома и сообщил, что на его луга, находящиеся в его владении (распоряжении) уже в течение пятидесяти лет, покушаются монахи монастыря Ксеноф и хотят отобрать их у него. При этом писец, составлявший указ, видимо, недостаточно хорошо понял жалобу на греческом (или, может быть, на церковнославянском) языке, поэтому вместо «монахи монастыря Ксеноф» он написал «монах (*калугер*) по имени Ксеноф». В результате у султана могло создаться впечатление, что тяжба идет между частными лицами (Фомой и Ксенофом), тогда как в действительности речь, скорее всего, шла о межмонастырском конфликте. Учитывая тот факт, что указ хранился в архиве Русского монастыря, как и то, что эти два монастыря (Русский и Ксеноф)

соседи, и с давних пор между ними возникали споры и неурядицы по поводу разграничения владений, то мы можем сделать предположение, что упоминаемый в документе Фома был монахом или даже игуменом Русского монастыря (поскольку он имел полномочия обратиться с жалобой к самому султану).

Обращает на себя внимание тот факт, что споры между двумя христианскими «субъектами» решаются на основании мусульманского религиозного законодательства (шариата) в силу суверенитета Османского государства над Афоном. Султанское правительство в целом придерживалось принципа справедливости и осуждало любые незаконные и насильственные действия (тем более в случае, если вопрос касался отношений между христианскими подданными, а не между христианами и мусульманами, когда вершить правосудие было, конечно, сложнее). Мы знаем, что Мехмед Завоеватель проводил в своем государстве (особенно в последнее десятилетие своего правления) реформу в сфере вакфов (благотворительных пожалований), но эта реформа затрагивала, в первую очередь, только мусульманские вакфы на землях, завоеванных османским оружием. Мехмед II склонялся к тому, чтобы конфисковать вакфы прежних правителей и знати и передать их служилому сословию (*сипахи*) в качестве условных пожалований в виде вознаграждения за военную службу. Эти меры были направлены на централизацию управления страной. Но до конца не выяснено, в какой степени они затронули христианское население европейской части Османской Турции.

В фирмане 1506 г. говорится, что к султану Баязиду обратился монах Русского монастыря на Афоне по имени Теофан (Феофан) и пожаловался на то, что земельные участки его монастыря, являющиеся с давних времен частью вакфа Русского монастыря, были заняты посторонними лицами, которые стали заниматься их распашкой и не давали русским монахам пользоваться этими землями. Таким образом, это на сегодняшний день самое древнее упоминание Русского монастыря в исследованных нами османских архивных докумен-

СПИСОК УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ

1. Аверьянов Юрий Анатольевич (ИВ РАН).
E-mail: avanta_yuriy@mail.ru.
2. Аникеева Татьяна Александровна (ИВ РАН).
E-mail: tatiana.anikeeva@gmail.com.
3. Антошин Алексей Валерьевич (Уральский федеральный университет, Екатеринбург).
E-mail: alex_antoshin@mail.ru.
4. Арапов Дмитрий Юрьевич (МГУ).
E-mail: hiztoricbetzy777@yandex.ru.
5. Арсланова Алсу Айратовна (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Отдел рукописей и редких книг библиотеки им. Н. И. Лобачевского Приволжского федерального университета, Казань).
E-mail: alsuarlanova044@mail.ru.
6. Базиленко Игорь Вадимович, Воднева Оксана Анатольевна (Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург).
E-mail: vodneva@inbox.ru.
7. Беляков Владимир Владимирович (ИВ РАН).
E-mail: beliakov2007@yandex.ru.

situation signified the failure of Ottoman policy, which could not get any support from Iranian people except for Sunni Kurdish tribes.

тах и первый султанский указ, который рассматривает дела Русского монастыря.

Османских документов эпохи правления Селима I (1512–1520 гг.) в архиве Русского монастыря пока не найдено. Зато в правление его сына Сулеймана Кануни (Законодателя) (1520–1566 гг.) Русский монастырь, можно сказать, стал объектом особого внимания султанского двора. В архиве монастыря в наличии имеется 11 указов султана Сулеймана. Вполне вероятно, что какую-то роль в благосклонном отношении этого султана к Русскому монастырю могла сыграть его любимая жена Роксолана (тур. Хюррем Султан), дочь «русского» (на самом деле украинского) священника из Рутении. Но нам неизвестно о каких-либо вкладах или пожертвованиях монастырю со стороны самой Роксоланы, хотя исключить подобную инициативу с ее стороны тоже нельзя.

Для традиционной судебной системы наличие прецедента — важнейший источник для установления истины. Сам султан формально не мог вмешиваться в процесс судопроизводства, осуществляемый судом шариата, он только следил за соблюдением справедливости и порядка и, пресекая случаи подлога и обмана, добивался (хотя бы в теории) «чистой правды» (эти слова содержатся в заключительной части одного из фирманов Сулеймана). Особенно султана заботило, чтобы к его двору не поступали повторные жалобы со стороны истцов по уже решенному делу (это означало бы сбой в работе системы, чего в идеале не должно было быть). Мы видим, что даже дело, в котором налицо конфликт монахов с государственными служащими Османского государства, решается султаном в пользу христианских монахов Русского монастыря.

Османское правительство устанавливало и контролировало цены на основные продукты питания и, в первую очередь, на хлеб, стараясь не допустить спекуляции.

Собственник земли не всегда был ясен. В Османской империи формально все завоеванные земли считались государственными (*мири*), но в данном случае речь идет о землях христианского (монастырско-

го) вакфа, часть из которых могла передаваться для обработки местным жителям (последние же по истечении некоторого времени «забывали» о том, что это монастырская земля, и начинали считать ее своей). Даже передача Русскому монастырю собственности частных лиц (по их завещанию) в вакф проводилась в согласии с предписаниями шариата (хотя речь идет о пожертвовании, сделанном христианином христианскому же монастырю, но сделка такого типа все равно должна была фиксироваться в шариатском суде, и только после этого она признавалась законной).

Т. А. Аникеева

Первая мировая война в турецкой поэзии и фольклоре

Первая мировая война отражена во множестве произведений турецкой литературы, главным образом — в прозе. Тем не менее, что касается турецкой поэзии, то события Первой мировой войны попросту не могли не найти отражения как в творчестве турецких поэтов самых различных направлений и школ (например, в произведениях Зии Гёкальпа, Мехмеда Юрдакула — писателей, чье творчество принято связывать с подъемом националистической идеологии в Турции), так и в фольклоре.

Если в турецкой поэзии тех лет господствуют патриотические настроения, повлиявшие и на форму стиха, призванного приблизить поэзию к фольклору, то собственно в турецком фольклоре этого времени, в народных песнях нашли отражение самые мрачные и драматические для Турции события Первой мировой войны — сражения при Сарыкамыше и Чанаккале. В жанровом отношении эти песни

Iran Policy of the Ottoman Empire and Iranian Kurds at the World War I in the Eyes of the Ottoman Press

When the World War I began, Russians had occupied north of Iran, while British having the southern part of Iran under control. Even though the government of Tehran, controlled by invasion forces, had declared their neutrality, there was a huge essence of hostility just because of lands of their country being occupied. Turkish government had intended to make government of Tehran participate in a war against British and Russians. Thus, declaration of jihad would be effective in Afghanistan too, with the inclusion of Iran, in a conflict against the allies. Ottoman press was also encouraging this project with their releases.

Turks tried to develop some relations with Kurdish tribes located on the borders next to Iran. In the middle of 1914's November, Turks, entering into the lands of Iran with a small force consisting of a few thousand, and with the Kurdish tribes who joined them, attacked Russians. After the beginning of Operation Sarikamish, Russians that had to draw some of their forces to that region were obliged to leave Iranian territory. In the middle of 1915's January, Turkish forces who got in Tabriz, have also occupied regions of Kazvin and Hamadan.

Ottoman press, trying to provoke Iranian society, was showing every smallest sparkle of victory as a massive one, and declaring the fact that occupying small villages were huge success. In addition, it was written and shared that Russian forces were defeated and it was also mentioned that the operation was not against Iran but to Russians who had occupied lands of Iran in an unjustified way. Ottoman press, by claiming that Turkish forces were fighting for the liberty of Iran, and the people of these two countries connected with each other, was calling the government of Tehran for war.

Ottoman newspapers had to silence themselves after Russian forces were in Tabriz, in January 31th, after their victory in Sarikamish. This

звание: «Краткий татарско-русский словарь в транскрипциях арабской и русской в объеме I части учебника М. Ф. Каримова «Тарихи анбия» (история пророков)», Оренбург, 1911), к курсу лекций по татарскому языку, читанному в 1912/1913 учебном году студентам II и III курсов миссионерского отделения Казанской духовной академии». — Казань: Литография Императорского Университета, 1912. — XXIV+265 с.), составленного видным востоковедом, ученым-путешественником по Азии XIX в., исследователем быта, верований, языка и литературы народов Туркестана и Сибири Николаем Федоровичем Катановым в 1912 г., принципы составления которого явились одними из лучших в деле издания словарей начала XX в. Словарь представляет ценность не только в лексикографическом плане, но и в плане сравнительно-исторической фонетики, грамматики, этимологии тюркских языков. Словник словаря содержит около пяти тысяч слов, расположенных по арабскому алфавиту.

Во вводной части словаря представлены сравнительные сведения по 27-и фонетическим особенностям «наиболее видных в фонетическом смысле представителей тюркского корня». Здесь достаточное внимание уделено словообразовательным возможностям лексики; приведены устойчивые сочетания, имеющие одно понятие в составе гнезда основного слова, а также в составе словарной статьи существительного приводятся сложные глаголы, что также повышает ценность издания.

Словарь проф. Н. Ф. Катанова был одним из ярких образцов полифункционального тюркско-русского словаря, явившегося примером в составлении многих словарей в других тюркских языках. Отдельные принципы его создания до сих пор остаются актуальными в тюркской лексикографии.

представляют собой *тюркю* — один из самых древних жанров турецкого лирического песенного фольклора. Безусловно, данные фольклорные материалы требуют дальнейшего изучения, введения их в научный оборот, комментированного литературно-критического перевода и публикации.

А. В. Антошин

**Русские антикоммунисты в Северной Африке:
документы Марокканского отдела НТС
в архивах Германии и США**

После Второй мировой войны наиболее мощной антикоммунистической организацией российской эмиграции становится Народно-трудовой союз (НТС). В конце 1940-х гг. сильная организация НТС возникает в Марокко, куда из разоренной войной Европы уехала достаточно большая группа деятелей Союза. В Касабланке, Рабате, Марракеше, Сафи возникают группы НТС. Однако существует проблема поиска исторических источников, которые позволили бы более глубоко охарактеризовать деятельность русских антикоммунистов во французской Северной Африке. Некоторые материалы по этой теме хранятся в российских архивах (в частности, в Государственном архиве Российской Федерации в фонде известного солидариста Б. В. Прянишникова имеется переписка фондообразователя с проживавшим в Касабланке старым членом НТС Е. В. Каликиным). Однако, как удалось установить автору доклада, ряд важных документов находится в европейских и американских архивах. Так, достаточно большой массив разнообразных материалов

по этой теме хранится в Архиве восточноевропейских исследований Университета Бремена (Германия). Здесь в фонде издательства «Посев» находятся, в частности, протоколы съездов Северо-Африканского отдела НТС (август 1953 г.) и Марокканского отдела НТС (сентябрь 1954 г.), состоявшихся в Касабланке. Главной проблемой, обсуждавшейся на этих мероприятиях, был вопрос об активизации деятельности оказавшихся в Северной Африке солидаристов. Сами деятели НТС признавали, что им не всегда хватало сплоченности, которая была необходима для эффективной антикоммунистической деятельности: главное заключалось в «отсутствии среди союзников спайки и дружбы, в исчезновении у нашей среды союзного духа... Если кто попадет в беду, то он не находит дружной помощи союзников». Большое внимание на съездах уделялось активизации работы с эмигрантской молодежью, необходимости вовлекать ее в антикоммунистическую деятельность. Как показывают материалы съездов, деятели НТС в Марокко продолжали отстаивать линию на революционное свержение существовавшего в СССР политического режима.

Ряд интересных материалов хранится в Отделе специальных коллекций Библиотеки Джорджтаунского университета (Вашингтон, США). Здесь в коллекции многолетнего лидера НТС В.М. Байдалакова находится переписка последнего с Е.В. Каликиным, Б. Брюно, Е.И. Гараниным, Ю. и В. Жедилягиными и некоторыми другими проживавшими в Марокко солидаристами. Она показывает стремление лидеров Марокканского отдела создать у руководства НТС представление о том, что «общее настроение в отделе вполне здоровое и единое». Некоторые члены Союза в начале 1950-х гг. добивались права поехать в Европу, в Центр, на революционную работу. Заметим, что и приезжавшие в Марокко из Франкфурта-на-Майне лидеры НТС подтверждали: по сравнению с некоторыми другими организациями (например, из США) марокканцы отличались «крепким духом» и «спайкой».

ми свет на хайдарабадскую проблему с момента ее возникновения летом 1947 г. и до принудительной интеграции княжества в состав Индии в 1948 г. Личная переписка генерал-губернатора Маунтбэттена с низамом Мир Осман Али Ханом, противоречия премьер-министра Дж. Неру и министра внутренних дел Валлабхаи Пателя по вопросу о проведении войсковой операции против княжества-анклава, собственно «переходное» Соглашение между Индией и Хайдарабом от 29 ноября 1947 г. сроком на один год и полный протокол заседания Правительственного совета в Дели с участием первого министра Хайдарабата от 9 июня 1948 г. позволяют комплексно разрешить вопрос о целях и методах, теоретических возможностях и реалиях самоопределения княжеств после ухода англичан с Индостана. Анализ документов об экономической блокаде, предшествовавшей операции «Поло», о закупках низамом оружия в Пакистане и других странах и о его приготовлениях к вывозу своего золота из страны в середине 1948 г., собранных спецслужбами Индии, подводит нас к выводу о неизбежности и целесообразности для индийского правительства интеграции Хайдарабата как средства предотвращения центробежных процессов, рецидивов религиозно-конфессионального раскола, равно как и усиления пропакистанских сил в Южной Индии.

Г. Н. Ягафарова

**Из истории тюркской лексикографии:
о «Кратком татарско-русском словаре» Н. Ф. Катанова**

В фонде библиотеки Уфимского научного центра РАН имеется рукописный вариант «Краткого татарско-русского словаря» (полное на-

чены аналитические документы о состоянии Народной монгольской революционной армии.

В Центральном архиве ФСБ России хранятся документы, в которых имеются сведения о событиях на реке Халхин-Гол. Это сообщения, шифротелеграммы и докладные записки особого отдела 57-го корпуса, а позже 1-й армейской группы в особый отдел ГУГБ НКВД СССР, поступавшие непосредственно с места события, и особых отделов из Читы и Хабаровска о проблемах дислокации, комплектования, обеспечения и вооружения частей, направляемых в район конфликта, а также о ходе следствия по заговору, разоблаченному в МВД МНР.

Отдельная группа документов — это архивные следственные дела в отношении монгольских граждан, пострадавших в годы репрессий, в которых могут находиться материалы, представляющие научный интерес.

Л. А. Черешнева

**Проблема интеграции княжества Хайдарабад
во второй половине 1947–1948 гг.
(по документам Национального архива Индии)**

Образование Индии и Пакистана в 1947 г. означало для всех княжеств Индостана завершение эпохи сюзеренитета англичан, и большинство из них присоединилось к новообразовавшимся государствам. Низам Хайдарабада решил отстаивать суверенитет своего княжества, население которого было индусским, но практически все правительство, армия и полиция были мусульманскими. Национальный архив Индии в Дели располагает уникальными документами, проливающи-

Отдельные документы, посвященные Марокканскому отделу НТС, нам удалось обнаружить в знаменитом Гуверовском архиве войны, революции и мира (Стэнфорд, США). В частности, в коллекции Б. И. Николаевского хранится письмо последнему от лидера Северо-Африканского отдела НТС Е. И. Гаранина (1949 г.), посвященное рассказу о высылке Е. И. Гаранина из Марокко французскими властями.

Таким образом, именно привлечение материалов из архивов Европы и США может помочь воссоздать историю антикоммунистической деятельности НТС в Северной Африке в условиях холодной войны.

Д. Ю. Арапов

**Архивные материалы Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б)
как источник по истории Советского Востока**

Одним из ценных московских собраний архивных материалов по истории Советского Востока является коллекция документов Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б), хранящаяся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Данная структура в 1922–1934 гг. выступала как полномочное представительство московского центра компартии в столице среднеазиатского региона — Ташкенте. Средазбюро осуществляло политическое руководство местными партийными и государственными органами и фактически являлось своего рода коллективным преемником царских генерал-губернаторов Туркестана. Коллекция его документов образует фонд 62 РГАСПИ и включает в себя 6227 единиц хранения. Они распределяются по следующим группам: 1) секретариат (общий отдел); 2) организационный отдел; 3) агитационно-пропагандистский

отдел; 4) отдел печати; 5) отдел по работе в кишлаке и ауле; 6) женотдел и др. В отдельные блоки выделены протоколы и стенограммы заседаний, документы по кадровым и финансовым вопросам. Первостепенное научное значение имеют собранные в данном фонде материалы по «топорному» национально-государственному размежеванию 1924–1925 гг., чекистские докладные записки по актуальному тогда (и сейчас) «мусульманскому вопросу», борьбе с басмачеством, справки о политике за «раскрепощение женщин» (худжум) и др. Представляется, что изучение архивных документов Средазбюро открывает значительные возможности для лучшего осмысления эпохи сталинской модернизации Советского Востока.

А. А. Арсланова

**Персоязычные рукописи по астрологии и астрономии
в собрании Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского
Приволжского федерального университета**

Объектом изучения являются персоязычные рукописи по астрологии и астрономии, а также календари (исторически и генетически между собой тесно связанные), хранящиеся в фондах Восточного сектора библиотеки им. Н. И. Лобачевского ПФУ, которые (хотя их и не так много — всего 19 ед.хр. из 736, включенных в инвентарные книги) занимают важное и достойное место в собрании персоязычных рукописных книг данной коллекции. До настоящего времени они не подвергались специальному рассмотрению и фронтальной каталогизации.

Владельческие печати и записи рассматриваемых рукописей позволили выявить их принадлежность к тем или иным частным со-

В. С. Христофоров

Документы архивов ФСБ России по истории Монголии

Со времени создания советских органов государственной безопасности их важнейшей функцией было информирование руководства СССР о реальном положении дел как внутри страны, так и за ее пределами. Особенно ценными были сведения о политике, проводимой сопредельными государствами. Поскольку эту информацию не всегда удавалось получить официальным путем, то основная роль в ее добычании отводилась спецслужбам.

В фондах архивов Федеральной службы безопасности отложились документы, в которых зафиксированы попадавшие в поле зрения сотрудников разведки и контрразведки события новейшей истории Центрально-Азиатского региона, в том числе и Монголии. Значительный комплекс составляют документы, связанные с историей Монголии 1920–1930 гг. В основном это материалы делопроизводства четырех оперативных подразделений ОГПУ: Иностранного, Контрразведывательного, Восточного и Особого отделов. Интерес для исследователей могут представлять сведения об общественной и политической жизни Монголии. Приоритетной для советского руководства была информация, характеризующая людей, определявших курс развития Монголии. В документах также имеются донесения о положении в регионах страны, работе советских делегаций в МНР, настроении населения, в особенности духовенства, о становлении монгольской контрразведки. В фондах этих подразделений есть и переводы некоторых монгольских документов.

Информация о Монголии содержится в сводках Полномочного представительства ОГПУ по Сибири, в обзорах погранорганов о состоянии пограничной охраны сопредельных государств. В этих фондах выявлен ряд документов Государственной внутренней охраны МНР. В деле Особого отдела ГУГБ НКВД СССР за 1936 г. сосредото-

которые россияне, связанные службой в упомянутых организациях, ориентированных на деловые контакты с местным населением. Среди лиц, подвергшихся длительному задержанию местными властями, оказались и востоковеды, в частности, китаисты З. М. Поляновский (род. в 1871), который после консульской службы в странах Дальнего Востока (Корея, Китай и Япония) занимал пост российского консула в Кёнигсберге, и Д. Г. Янчевецкий (1873–1943), преподаватель в гимназии им. А. С. Пушкина в Порт-Артуре, журналист и писатель, выполнявший обязанности специального корреспондента газеты «Новое время» в Вене с 1911 г.

Первому (З. И. Поляновскому) пришлось в течение 14 месяцев необоснованного ареста мужественно терпеть все тяготы личного унижения в условиях тюремного заключения, находясь 11 месяцев в одиночной камере.

Второй китаист (Д. Г. Янчевецкий) был арестован людьми в штатском 1 августа 1914 г. на квартире, где спец агенты нашли револьвер в одном ящике, а патроны — в другом, свидетельствующие, по словам арестованного, о совершенно мирном характере его журналистской работы. Ровно год — с 1 августа 1914 г. по 22 августа 1915 г. — российский журналист находился в т. н. «Чортовой башне» военной тюрьмы. Хотя судьи приговорили его к смертной казни, она в последний момент не состоялась из-за ходатайства тогдашнего короля Испании, принявшего на себя оказание посреднических услуг России на время войны.

По возвращении на Родину оба китаиста (благодаря состоявшемуся их обмену на попавших в русский плен вражеских высших офицеров) в своих интервью и статьях рассказали о жестоком обращении с ними в тюрьмах кайзеровской Германии и Австро-Венгрии.

браниям. Так, например, в 11 списках по астрологии и астрономии мы обнаружили владельческие печати Галимджана ал-Баруди. Встречаются также владельческие печати и записи других лиц. В целом рассматриваемые списки характеризуются широким хронологическим диапазоном — от XV до второй половины XIX в. Самый ранний список относится к 1434 г. Имеются один список XV в., 4 списка XVII в., 8 списков XVIII в., 5 списков XIX в. География по месту переписки по текстам не прослеживается, но по внешним признакам можно определить, что часть из них была создана в Средней Азии, часть местного производства. В 14 ед. хр. имеются материалы в виде таблиц, схем, чертежей, рисунков.

Рассмотренная в целом часть коллекции персоязычных рукописных книг по астрологии и астрономии представляет довольно разнообразное и интересное собрание, демонстрирующее значительный интерес татарской интеллигенции к этой области знаний. Подобные книги, безусловно, намного расширили горизонты ее кругозора.

И. В. Базиленко, О. А. Воднева

Материалы по истории Ирана и Афганистана XIX — нач. XX в. в архивах Санкт-Петербурга

В архивах Санкт-Петербурга представлены уникальные документы, связанные с изучением истории Ирана, Афганистана и сопредельных регионов XIX — начала XX в.

Архив востоковедов (бывший Азиатский архив) ИВР РАН содержит 149 личных фондов и 22 разряда (более 60 тыс. ед. хранения). В личных фондах иранистов наряду с материалами биографического

характера, черновыми вариантами опубликованных работ находятся документы с грифом «секретно», «доверительно» и «для служебного пользования», которые представляют исключительную важность для реконструкции истории российско-иранских отношений вышеупомянутого периода. Обстоятельные отчеты, докладные и служебные записки генерального консула в Тебризе и Астрабаде (с 1873 г.) Ф. А. Бакулина (1846–1879), консула в Реште и Урмии В. П. Никитина (1885–1960) и других сотрудников Российской Императорской миссии в Персии позволяют установить ряд важных фактов, социально-политических и культурных особенностей истории отношений России со странами Среднего Востока. Наиболее значительный и обширный материал содержится в фонде В. Ф. Минорского (1877–1966), занимавшего в 1916–1917 гг. должность первого секретаря и поверенного в делах русского посольства в Тегеране. Материалы Российской Императорской миссии в Персии из фонда В. Ф. Минорского содержат документы 1902–1923 гг.: отчеты о служебных командировках, в том числе связанных с проверкой деятельности русских консульств, документы по истории русских учреждений (получение концессий, финансово-банковская деятельность), свидетельства современников о событиях в Иране и сопредельных областях после 1917 г. Интерес представляют докладные записки и донесения первого драгомана миссии Г. Г. Гильдебрандта от 1920 г., характеризующие изменения в русско-иранских отношениях и в политическом положении Ирана «в связи с Англо-Персидским соглашением и большевизмом».

Свидетельством развитых торгово-экономических связей между Россией и Ираном в XIX — начале XX в. служат документы Русско-персидского горнопромышленного общества (РГИА, ф. 81, 28 дел) на русском, персидском и французском языках. В фонде хранятся копии решений персидского правительства, проекты договоров об учреждении товарищества для эксплуатации мазандеранских месторождений, материалы заседаний правлений, общих собраний пайщиков Русско-персидского горнопромышленного товарищества

наглядной демифологизации ксенофобии как производного от внутренних кризисов в эпоху войн и революций; порождает способность к понимающей критике и культурной саморефлексии.

А. Н. Хохлов

Первые жертвы из россиян-китаистов в период Первой мировой войны

Для многих сотен тысяч россиян — рабочих, крестьян и служащих государственных и частных учреждений — Первая мировая война началась с всеобщей воинской мобилизации, поставившей под ружье огромные массы трудоспособного населения. Ряды защитников отечества пополнили и представители интеллигенции, в т. ч. востоковеды, которым пришлось выполнять непривычные обязанности, диктуемые военным временем. Так, известный китаевед А. И. Иванов, преподававший ранее в Петербургском университете и Восточной Практической академии, будучи зачислен на службу во внешнеполитическое ведомство, был привлечен к осуществлению мероприятий, связанных с высылкой из зон дислокации российских частей китайцев. Они занимались мелкой, порой спекулятивной, торговлей, открывавшей, помимо прочего, широкие возможности для сбора агентурной информации в пользу Германии и ее союзников.

Иначе сложилась судьба российских востоковедов, оказавшихся вне пределов своего отечества, сотрудников зарубежных дипломатических миссий и консульств, торговых и финансовых учреждений, представителей научных обществ и прессы. Уже в первые дни войны на территории Германии и Австро-Венгрии были арестованы не-

за этого противника Российской империи в эпоху Первой мировой войны.

2. Ценность источниковой базы работы — русских сатирических журналов военного времени — состоит в том, что как атрибут повседневности и «бытового» свободомыслия они были рассчитаны, главным образом, на городского обывателя, в определенной мере формируя общественные настроения. Комплексный анализ визуальных и нарративных материалов (карикатуры, фельетоны, сатирические стихи, анекдоты) проведен на основе публикаций в ведущих сатирических изданиях того времени («Сатирикон», «Новый Сатирикон», «Шут», «Будильник», «Стрекоза», «Осколки», «Забияка», «Бич», «Пулемет» и др.).

3. Исследование позволило выявить интерпретационные традиции в трактовке образа врага во всем разнообразии его национальных, политических, культурных и конфессиональных идентичностей. «Турок» как сатирическое воплощение конкретного противника — исполняет *разные* символические роли в «репертуаре» журнальной критики. Сам факт этих различий демонстрирует специфику профессиональной «оптики» сатирической журналистики, совмещавшей в условиях военного времени функцию зеркала общественных настроений и роль зазеркалья политической «кухни», производившей соответствующие образы и риторики вражды.

4. В работе делается попытка выявить, насколько существенным оказывалось влияние историко-культурных стереотипов на создание образа «турка» как врага и на семантизацию соответствующих фобий военного времени. С этим подходом связана и новизна авторского замысла, состоящая в постановке вопроса о том, могла ли исключительно Первая мировая война спровоцировать разнообразнейшую риторику вражды в адрес «Врага с Востока».

5. Изучение историко-культурных прецедентов медийного конструирования образов внешнего врага в эпоху Первой мировой войны помогает проследить деконструкцию языка вражды; способствует

и Русско-персидского акционерного общества, обширная переписка с учреждениями (напр., Министерством финансов) и частными лицами; материалы переговоров о предоставлении кредита Русско-Азиатским банком, с представителем Учетно-ссудного банка Персии Е. Д. Львовым и многое другое.

В фонде В.Ф. Минорского также представлены документы по истории развития советско-афганских и франко-афганских отношений, в частности, отчеты о пребывании и деятельности сотрудников афганского посольства во Франции в 1920-х гг., открытия французской миссии в Кабуле, сведения об археологических экспедициях Альфреда Фуше (Alfred Foucher, 1865–1952).

Обширный комплекс фактологически насыщенных документов из архивов Санкт-Петербурга содержит разносторонний научный материал, необходимый для исследования социально-политической и экономической истории стран Среднего Востока.

В. В. Беляков

Бывшие русские военнопленные в Египте (1918–1920 гг.)

В период военных действий против Турции на Ближнем Востоке во время Первой мировой войны британские войска освободили несколько тысяч русских военнопленных. С конца 1918 г. их постепенно переводили в Египет, где были оборудованы два транзитных лагеря — в Кантаре и Телль аль-Кебуре. Из-за гражданской войны в России процесс репатриации затягивался.

Страдая от неопределенности и бездействия, бывшие военнопленные занялись самообразованием. Так, в Телль аль-Кебуре была созда-

на школа, собрана небольшая библиотека. Прочитав в газете «Русский солдат-гражданин во Франции», что от эмигрантских организаций можно получать учебники и книги, инициативная группа обратилась 2 января 1920 г. с письмом в Париж. Уже 26 января в лагерь поступила посылка с 65 книгами. Однако в полной мере воспользоваться ими обитатели лагеря не успели: через несколько дней их отправили из Египта. Порт назначения неизвестен, скорее всего, это был Владивосток.

В Кантаре бывшие военнопленные находились значительно дольше. Их репатриировали только в конце октября 1920 г. после энергичного дипломатического демарша Советского правительства. Пароход доставил репатриантов в Одессу, забрав по пути в Константинополе тех русских, кто желал вернуться на родину.

А. К. Бустанов

**Личный архив татарского археографа А. Фатхи
и восточная археография в Казанском университете
во второй половине XX в.**

Альберт Саидович Фатхи (1937–1992) почти полвека проработал в Восточном секторе Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета. Практически все свое время Фатхи посвящал изучению татарской литературы, главным образом рукописной. Им проводились археографические выезды в Татарской республике, а также инвентаризация рукописей, поступивших в библиотеку в результате работы университетской археографической экспедиции. Фактически А. С. Фатхи за годы своей службы в университетской библиотеке стал единственным специалистом, велико-

по названию главного племени, выступавшего своеобразным патронном, остальные находились в коллективной зависимости от него; 2) повторяемость названий родов у разных народов; 3) искусственность языковых классификаций. Он считал необходимым изучать каждый народ в связи со стадией его хозяйственного развития, т. е. в диахронном срезе.

Ученый писал о многоукладном характере хозяйства древних тюрков VI–VIII вв., отмечая роль оседлых центров в хозяйстве и важность экономического могущества племени для его политического усиления.

Целью походов тюрков был контроль над торговыми путями, что сыграло большую роль в развитии их государственности, не достигшей, однако, высокого уровня из-за изменения мировых путей.

Т. А. Филиппова

**Образы «турка» и «Турции» в русской сатирической
журналистике эпохи Первой мировой войны**

1. В центре внимания докладчика — образы и риторики вражды в русской сатирической журналистике в адрес восточного противника России эпохи «Великой войны» — Турции. Этот исторический «Враг с Востока» — как стереотип «чуждости», мифологема вражды, порожденной исторической памятью народа и характером имперской политики Османов и Романовых, — является в докладе главным объектом деконструкции конкретных прецедентов фобий военного времени. В ходе решения этой базовой проблемы делается попытка выявить уровень мобилизационного потенциала обра-

из текста, позволит сделать дополнительные выводы о сферах деятельности, в которых происходили контакты русских и марокканцев.

В. В. Тишин

**Забывтое имя в историографии
социальной истории древних тюрков:
Александр Семенович Букшпан**

В 1928 г. была издана глубокая и концептуальная статья бакинского ученого А. С. Букшпана. Из материалов, опубликованных З. М. Бунитовым, известно, что сам он в 1937 г. был репрессирован и расстрелян. Его концепция истории тюркских народов была также поводом для обвинения в пантюркизме. Работы ученого были забыты. Наш долг сегодня вернуть его имени заслуженное место в историографии.

На основе широкой источниковой базы А. С. Букшпан обратился к изучению древнетюркской государственности VI–VIII вв. Он выступал за преемственность сменявших друг друга кочевых народов, исходя из «удельной» (по Н. Я. Бичурину), т. е. сегментарной структуры их политических объединений, определившей их надэтнический характер, находя эту же идею у Ж. Дегиня, Л. Кауна и В. В. Радлова. Для классификации тюркских народов он отмечал важность учета исторических связей и миграций (по Г. Вамбери и Н. А. Аристову), указывая также на такой фактор, как географические условия проживания того или иного тюркского народа, влиявшие на его развитие. Эти подходы ученый попытался соединить идеями Н. Я. Марра.

А. С. Букшпан выделил три важных для изучения тюркских народов момента: 1) каждое политическое объединение именовалось

лепно знавшим фонд арабграфической рукописной книги как в его описанной части, так и в его обширной не инвентаризированной части. В результате каждодневной работы с татарскими рукописями у А. С. Фатхи сложился солидный личный архив, состоящий из его записей по истории книжности и различным аспектам татарской культуры. После смерти археографа все его бумаги были переданы на хранение в Отдел рукописей, где он проработал большую часть своей жизни. К сожалению, обработка архива А. С. Фатхи затянулась, часть бумаг попала в частные руки.

С осени 2013 г. нами была начата работа по инвентаризации всей сохранившейся части архива А. С. Фатхи (ВС ОРРК НБ КФУ, ф. 6, 174 ед. хр.). Содержание материалов архива очень многообразно: это и первая инвентарная книга Восточного сектора за 1937 г. (ед. хр. 142), и архив Восточного сектора библиотеки за 1937–1959 гг. (ед. хр. 120), ежегодные отчеты, переписка с учеными, неопубликованные статьи, аннотации к рукописям и подборка сведений по разным аспектам татарской книжности. Все это пронизано личным опытом А. С. Фатхи и отражает его взгляд на татарскую культуру и историю. Многочисленные выписки в архиве дают нам доступ к информации, которую очень сложно добыть самостоятельно. Для того, чтобы узнать, что в арабской рукописи под номером N есть стих ‘Абд ар-Рахима ал-Утыз-Имяни, нужно было бы тщательно знакомиться со всеми рукописями собрания (как это сделал А. С. Фатхи) либо надеяться на удачу, поскольку подробных каталогов в библиотеке до сих пор нет.

Отдельного упоминания заслуживает обширная картотека, составленная А. С. Фатхи. Она касается очень широкого круга вопросов, связанных с историей и культурой татарского народа. Но самой важной частью картотеки является та, что посвящена рукописям Восточного сектора. А. С. Фатхи наносил на карточки результаты осмотра каждой рукописи фонда de visu, указывая, чем та или иная рукопись интересна для науки. Именно из этих карточек мы можем реконструировать частные коллекции рукописей, разбросанные по всему фонду;

установить пласт наиболее древних и наиболее популярных рукописей; систематизировать выходные данные рукописей по их колофонам, выписанным на карточках; а также иметь представление об иллюминированных и украшенных рукописях.

В своих записях А. С. Фатхи пытался систематизировать информацию о жизни в татарском медресе, о любовной лирике и татарском эпистолярном жанре (материалы по этому аспекту вполне могли бы потянуть на увесистую монографию). Интересовался он культурными связями с другими регионами, прослеживаемыми по рукописям. В своих карточках и записях А. С. Фатхи уделял внимание взаимоотношениям с турецкой, дагестанской, ближневосточной и среднеазиатской традициями развития арабографической рукописи.

По ряду обстоятельств многие работы А. С. Фатхи оказались неопубликованными. Лишь его серия описаний рукописей татарских писателей увидела свет в 1980-е и на долгие годы оставалась единственной публикацией такого рода по арабографическим рукописям Казанского университета. Публикация статей и заметок А. С. Фатхи кажется нам вполне необходимым делом, не столько из-за концепций и подходов, предлагаемых автором, сколько из-за богатейшего фактического материала из рукописей, так и не введенного в научный оборот. Эти данные существенно обогатили бы наше представление о развитии интеллектуальной жизни мусульман в Северной Евразии на протяжении последних нескольких веков.

В завершение еще раз подчеркну, что главным итогом научной деятельности А. С. Фатхи можно считать тот факт, что сосредоточенные в его архиве материалы достаточно полно отражают богатство университетского собрания восточных рукописей и по сути должны служить своеобразным проводником для каждого исследователя, имеющего дело с Восточным сектором университетской библиотеки.

гранта «первой» волны маршрут: эвакуация из Крыма с армией Врангеля — Франция — Марокко. Сын провинциального учителя, ставшего к началу Первой мировой войны директором Каменец-Подольской учительской семинарии, в юности мечтал о аэропланах. В 1910 г. Виктор Соколов поступил в только что открывшуюся тогда Севастопольскую школу авиации и стал военным летчиком уже в 1912 году, когда во всей русской армии насчитывалось всего тридцать авиаторов. Он служил в одном полку с автором «мертвой петли» П. Н. Нестеровым и был свидетелем его знаменитого тарана.

И вот русский офицер, прошедший Мировую и Гражданскую войны, познавший горечь изгнания, претерпевает за два десятка лет жизни в Марокко, в гуще марокканского народа, неожиданную для окружающих идейную метаморфозу, которая приводит его в 1944 г. к сотрудничеству с Марокканской коммунистической партией. В 1947 г. В. Г. Соколов получил советское гражданство. А в 1952 г. за активное участие в борьбе за независимость Марокко был выслан властями французского протектората в ГДР. В октябре 1955 г. вместе со своей третьей женой Т. С. Ус он переехал в СССР и поселился в Ташкенте, где уже жил сын его жены от первого брака.

Роман «Кадур» можно рассматривать не только в качестве документа, принадлежащего истории русской эмиграции, но и как источник по истории Марокко в 1940–1950 гг., описывающий социально-экономические отношения, политическую ситуацию того периода, изобилующий этнографическими и социологическими сведениями.

Текст романа испещрен словами и выражениями, описывающими марокканские понятия и реалии, отсутствующие в русском языке. Автор дает им разъяснения в постраничных сносках. Это вдвойне интересно, т. к. написание слов разговорного марокканского языка (дарижи) отражает восприятие его русским человеком, что позволяет рассматривать этот текст как уникальный документ-иллюстрацию особенностей гуманитарного взаимодействия марокканцев и эмигрантов из России. Возможно, что анализ марокканско-русского вокабуляра, извлеченного

дикцию Московской Патриархии, который влиял на жизнь российской эмиграции в Марокко на протяжении десятилетий и отголоски которого ощущает до сих пор современное русскоязычное сообщество в этой стране. Автор также получил доступ к копиям документов Успенского и Воскресенского храмов, присланным в 2012 г. из архива Архиерейского синода Русской Православной церкви за границей (Нью-Йорк) и Западноевропейского епископата РПЦЗ (Женева). Массив этих материалов позволяет восстановить многогранную картину общественной жизни российской эмиграции в Марокко с 1948 по 1985 г.

Материалы из архивов православных храмов в Касабланке и Рабате помогли установить места проживания «русских» в Марокко, получить представление об их материальном и социальном положении на примере нескольких сотен человек.

Кроме упомянутых документов в ходе исследования русской эмиграции в Марокко удалось найти частный архив семьи Усов — Соколовых, три поколения которой проделали путь из Российской империи в Северную Африку и обратно, в Советскую Россию. Кроме большого массива личных документов, этот архив содержит множество фотографий, отражающих повседневную жизнь и работу русских эмигрантов в Марокко.

Неожиданной находкой стало художественное произведение, написанное одним из членов этой семьи, Виктором Соколовым. Роман «Кадур — чистильщик сапог» — необыкновенное произведение, сочетающее в себе достоверность исторических и этнографических сведений, переданных очевидцем, с полетом художественного вымысла. Автор взялся написать «историю одной марокканской жизни» как свидетель «героической битвы марокканского народа» за независимость, против «французской оккупации», оставаясь при этом и в преклонном возрасте романтиком, человеком, выросшем в лоне русской дворянской культуры рубежа XIX–XX веков.

Виктор Георгиевич Соколов (1888–1973) переехал в Марокко, судя по его записям, в 1926 г., пройдя довольно типичный для русского эми-

**«Нам нужно очень тщательно соизмерять
наши первые шаги в Цареграде...».**

Записка академика Ф. И. Успенского. 1915 г.

Одной из стратегических задач России в Первой мировой войне являлось овладение Константинополем (Стамбулом). К непосредственной подготовке Константинопольской операции приступили в конце марта 1915 г., возложив руководство ее на командующего 7-й армией генерала В. Н. Никитина.

Помимо проблем, связанных с планируемой операцией и организацией последующего управления Константинополем, контроль над ним неизбежно выдвигал на повестку дня церковный вопрос. Свое понимание этого вопроса выражал крупнейший авторитет в области истории Византии академик Ф. И. Успенский в «Записке о цареградском патриархе и Св. Софии», предназначенной для императора Николая II.

«Ход событий на Ближнем Востоке, — писал Ф. И. Успенский, — приближается к роковой для Оттоманской империи развязке. Подготавливающая великая катастрофа открывает для России необъятные политические перспективы». В связи с этим Ф. И. Успенский выделял два обстоятельства, подлежащие предварительному обсуждению: 1) отношение к находящемуся в Константинополе вселенскому патриарху и 2) отношение к религиозной святыне и архитектурному памятнику — Собору Святой Софии, превращенному в мечеть.

Касаясь первого обстоятельства, Ф. И. Успенский писал, что после занятия Константинополя «мы встретим не расположенного к России православного пастыря, а оттоманского чиновника», который тем более «будет держаться за старый режим, что под властью султана, в Малой Азии, останутся многочисленные церковные епархии, зависящие от патриархата».

Исходя из этого и обращаясь ко второму обстоятельству, Ф. И. Успенский писал, что нужно объявить константинопольскую мечеть христианским храмом и признать ее «Великим царским собором Св. Софии цареградской», поскольку в Византийской империи она всегда именовалась «Великой церковью».

После начала наступления германских и австро-венгерских войск в апреле 1915 г. русское командование отказалось от форсирования Босфора и овладения Константинополем.

Р. М. Валеев, Р. З. Валеева, Т. И. Зяпбаров

**Из истории российской арабистики XIX в.
Неопубликованные письма Мирзы А. К. Казем-бека
академику Х. Д. Френу (1831–1846 гг.)**

В фондах Санкт-Петербургского филиала архива РАН, касающихся жизни и трудов прославленных российских академиков, хранится дело, которое может быть весьма полезным для исследователей истории становления отечественного востоковедения — письма А. К. Казем-Бека Х. Д. Френу. Широко известно, что Х. Д. Френ и А. К. Казем-Бек являются патриархами российской ориенталистики, создавшими в XIX в. востоковедение не только в Казани, но и в целом в России, заложившими фундамент новой науки, оформившими ее задачи и определившими развитие в будущем.

Письма Мирзы А. К. Казем-Бека академику Х. Д. Френу датируются 1831–1846 гг. Всего писем 33, общее количество листов — 50. Большинство из них написано на обеих сторонах листа, на обычной бумаге. В начале или в конце писем, как правило, содержатся трудно-

дажа, ловля, осмотр, обида, выдача, набегъ, переводъ, припасъ, наказъ, ссора, разъездъ и др.

Язык документов, хранящихся в НАРК, характеризует В. Н. Татищева как крупного государственного деятеля XVIII века.

Н. В. Сухов

Архивы русской эмиграции в Марокко

Основную группу архивных источников составляют неопубликованные архивные документы из Успенского храма в Касабланке и Воскресенского храма в Рабате. Здесь представлены уставные документы ассоциаций, созданных эмигрантами, списки членов приходов за разные годы, переписка старост и настоятелей приходов с иерархами РПЦЗ в Европе и США, французскими, а после обретения страной независимости — марокканскими властями, прихожанами, как разбросанными по всему Марокко, так и покинувшими эту страну. С их помощью были установлены факты и подробности самоорганизации российских эмигрантов в разные периоды, выявлены ранее не известные детали истории православной общины в Марокко в период с окончания Второй мировой войны до середины 1980-х гг., выяснены вопросы взаимодействия с местными властями и международными организациями помощи беженцам. Большое значение для установления личностей и судеб эмигрантов первой и второй волн имеют их личные письма, свидетельства о рождении, крещении и смерти, местах захоронений на христианских кладбищах Марокко. Отдельно следует выделить письма и вырезки из газет, проливающие свет на внутриобщинный конфликт, возникший в 1946 г. в связи с переходом рабатского прихода в юрис-

му языку слышал я довольно, к которому и я труд свой по силе прилагаю». Будучи губернатором, через руки которого ежедневно проходили десятки документов, видя несовершенство русского письма своего времени, В. Н. Татищев ратовал за усовершенствование орфографии и создание грамматики русского языка. Он имел свои мысли о путях «исправления» русской орфографии и вообще русского языка, одну из которых он высказал в своем письме к В. К. Третьяковскому от 18 февраля 1736 г.: «И сіе мнится мне, хотя не вскоре, но исправить удобно в канцеляриях указом...». Документы, прошедшие через руки В. Н. Татищева, свидетельствуют о его языковых предпочтениях — орфографических, лексических, словообразовательных и синтаксических. В. Н. Татищев, выступая за фонетический принцип в русской орфографии, предлагал упразднить ряд букв, противоречащих этому принципу, например букву *щ*, что нашло отражение в документах за его подписью. Все слова, содержавшие эту букву, писались через *сч*: засчисчать, есче, возрасчать, отпусчать, обесчать, товарисчи, идусчие и др. Примеры: 1. Токмо на оноє определєніє от колєгїй иностранных дел апробацій есче не получено [НАРК, ф. 36, оп. 1, д. 141, л. 116 оборот]. 2. Поприсланной промеморїй измедицинской канцелярїй находящейся примне лекарь Скрымсорь отправленъ в Москву [НАРК, ф. 36, оп. 1, д. 141, л. 22/элек.46]. В. Н. Татищев редко использует в документах иностранные слова. Он полагал, что «безрассудное же употребление, то есть примешивание иноязычных слов в свой язык, вредительно». Зато богато представлена русская деловая лексика: делоправление, сообщенье, напоминание, записка, переводъ, наказъ, правосудіе, доношение, верность, должность, справедливость, наследство, довольство, посланец, служба и др. В большом количестве используются слова, образованные с помощью продуктивных способов, например аффиксации: — ениј/-аниј: умедление, получение, восхождение, учинение, отыскание, повеление, утеснение, смотрение, владение, отлучение, зимование и др.; — к: присылка, ссылка, поскаска, посылка, прибавка, оделка и др.; — нулевой суффикс: про-

читаемые пометки на немецкой готике с датой получения, судя по почерку, принадлежавшие перу Х. Д. Френа.

Первое письмо Мирза Казем-Бек написал Френу в Санкт-Петербург 24 июня 1831 г., а последнее короткое письмо было направлено 16 мая 1846 г.

Письма казанского профессора написаны на английском языке с частыми вкраплениями турецкого, фарси, арабского, русского и даже французского языков. Это языковое изобилие и сыграло роль в том, что письма А. К. Казем-Бека не получили широкой известности и не были соответствующим образом введены в научный оборот. Тем не менее о них, в частности, упоминают А. М. Куликова, В. Гулиев, к ним обращались М. А. Абдуллаев, А. К. Рзаев, однако эти упоминания имеют общий характер.

На страницах своих посланий А. К. Казем-Бек предстает в разных ампулах: ценителем редких арабо-мусульманских рукописей, о покупке и продаже которых он пишет едва ли не в каждом втором письме; глубоким исследователем литературы, культуры, языков мусульманского Востока; наконец, просто личностью со своими интересами и жизненными проблемами и т. д.

В письмах раскрываются подробности исследовательской работы А. К. Казем-Бека с такими рукописями, как история крымских ханов «Ас-саб ас-сайяр фи ахбари мулюки татар» («Семь планет в известиях о правителях татар») Сейида Мухаммеда Риза, исторический труд «Танкиху таварих аль-мулюк» («Дополнение к истории царей») Хюсейна Хезарфенна и др. Актуальная проблема поиска и приобретения восточных манускриптов и книг исключительно важна для всех интересующихся историей формирования и исследования отечественных фондов арабо-мусульманских рукописей.

Взаимоотношения с другими преподавателями Казанского университета, личная жизнь и бытовые реалии не получили подробного освещения в письмах. Однако в них упоминаются некоторые детали ранней биографии А. К. Казем-Бека, упоминания о его супруге и лю-

дах из круга его общения. В текстах писем особенно заметны эмоциональные оценки, когда он писал об огромном несчастье, постигшем Казань — пожаре 1842 г., в котором сгорели и некоторые записки А. К. Казем-Бека.

В своем первом письме Х. Д. Френу А. К. Казем-Бек писал, что видит в его лице «того, кто может оценить, воодушевить и оказать поддержку тем молодым работникам на ниве литературы, которые поистине нуждаются в умелом руководителе, чтобы он их направлял в их начинаниях». Более поздние письма показывают дальнейшее развитие отношений ведущих востоковедов России и Европы.

Письма свидетельствуют о том, что Мирза Казем-Бек старался быть полезен Х. Д. Френу: искал в Казани по его просьбе турецкое произведение «Кыз Курбач», распространял осуществленный Х. Д. Френом и И. Хальфиным перевод труда «Родословное древо тюрков» Абу-ль-Гази Бахадур-хана, скупал редкие рукописи для Академии наук, описывал монеты, расшифровывал талисман на персидском языке и др.

В целом данное эпистолярное наследие является исключительным источником для объективной оценки биографии и наследия двух известных российских востоковедов и дальнейшего изучения истории российского и европейского востоковедения XIX в. На данном этапе завершается подготовка к изданию «Эпистолярное наследие российских востоковедов: Письма Мирзы А. К. Казем-бека академику Х. Д. Френу (1831–1846)».

губернаторства продолжал заниматься сбором материалов по истории России, заботился о сохранении исторических мест и пополнении русских музеев редкими экспонатами. Так, в документе от 21 июня 1742 г. «Наказъ живописному ученику Некрасову» В. Н. Татищев дает задание: «получасіе собрався ехать в Кизляр, а оттуда на реку Куму, где находится старое сданіе имянуемое Таджарь... Рассмотря какъ сданій такъ находясчіася во ономъ расные вещи какіе тобою найдены будутъ достойные к веденію написать сколько возможно в самой ихъ натуре» [НАРК, ф. 36, оп. 1, д. 141, л. 509]. В. Н. Татищев часто выступал в качестве дипломата: «Имянными ея императорского величества укасами от 15 декабря 1741 повелено мне киргизъ кайсацкой народ с калмыцкимъ примирить, чтоб оные оба народы между собою жили в согласій...» [НАРК, ф. 36, оп. 1, д. 141, л. 104/элек. 196].

Документы, отложившиеся в НАРК, различны по форме. Одни из них являются оригиналами за подписью В. Н. Татищева. Другие представляют собой дубликаты, копии. Особый интерес вызывают черновики документов с собственноручной правкой самого В. Н. Татищева. Как губернатор В. Н. Татищев вел обширную переписку с правительствующим Сенатом, Коллегией иностранных дел, с губернаторами других губерний, комендантами волжских городов (Саратова, Самары, Царицына, Астрахани и т. д.), с командирами крепостей (Гурьева, Кизляра, Святого Креста, Оренбурга, Черного Яра, Красно-го Яра и т. д.). Особую ценность составляет переписка В. Н. Татищева с наместником Калмыцкого ханства Дондук Даши и калмыцкими владельцами.

В. Н. Татищев в отечественной лингвистике является одним из основных представителей доломоносовского периода наряду с В. Е. Адодуровым и В. К. Третьяковским. Вклад В. Н. Татищева в отечественную русистику оценил сам М. В. Ломоносов, который, обращаясь к нему в письме от 27 января 1749 г., писал: «...имел я издавна желание изыскать случай, как бы вашему превосходительству показать мою услужность, для того что об охоте вашей к российско-

**Язык деловых писем Астраханского губернатора В. Н. Татищева
(на материале документов Национального архива
Республики Калмыкия)**

В. Н. Татищев, известный российский государственный деятель первой половины XVIII в., в 1741–1745 гг. был губернатором Астраханской губернии. В Национальном архиве Республики Калмыкия (НАРК) отложились документы, связанные с деятельностью В. Н. Татищева на посту губернатора. Эти документы в основном касаются дел, имеющих отношение к калмыкам — Калмыцкому ханству.

Документы за подписью В. Н. Татищева, хранящиеся в НАРК, разнообразны по жанру, тематике, содержанию, форме, адресности, языку и т. д. Так, в делах Фонда 36 НАРК встречаются такие жанры документов, как (сохраняется старая орфография): промеморий, реэстръ, репортъ, паспортъ, инструкция, подорожная, записка, прогонные, писмо, указъ, наказъ, договоръ, присяга, резолюция, асїгнация и др.

Разнообразна тематика документов, затрагивающих разные стороны жизни российского и калмыцкого общества. В них рассматриваются вопросы политические, экономические, сельскохозяйственные, промышленные, строительные, торговые, культурные, научные, военные, административные, религиозные, межнациональные и т. д. Например, в документе «Наказъ володимерскаго драгунскаго полку порутчику Посевьеру» от 27 февраля 1742 г. даются инструкции В. Н. Татищевым начальнику конвоя по охране и сопровождению от Астрахани до Санкт-Петербурга калмыцкой делегации, приглашенной на торжество по поводу восхождения на императорский престол Елизаветы Петровны. В составе делегации 17 человек, которые были посланцами самых знатных калмыцких владельцев и служителей церкви с подарками [НАРК, ф. 36, оп. 1, д. 141, л. 190–192]. Другие документы свидетельствуют о том, что В. Н. Татищев в годы своего

**Истоки университетской иранистики в Казани
(XIX — нач. XX в.): материалы Национального архива
Республики Татарстан**

Разнообразные просветительские и научные исследования иранского политического, культурного и этнолингвистического пространства (современные территории республик Центральной/Средней Азии, Ирана, Афганистана и частично Индии) являются значимой традицией академических и университетских центров России и зарубежных стран. Особо важную роль персидское политическое и культурное наследие играло в истории и культуре современных народов России и стран СНГ.

На протяжении XVIII–XX вв. в России формируется и развивается классическая иранистика — актуальная научная дисциплина и направление мирового востоковедения. Истоки практической и научной иранистики в России связаны с комплексным исследованием мусульманского Востока. Стержнем развивающейся классической иранистики в России становится ориентация академических и университетских центров на изучение иранских языков, исследование памятников персидской классической словесности и материальной культуры иранской цивилизации.

Архивные материалы свидетельствуют о том, что история и культура народов Поволжья и Приуралья в казанском востоковедении XIX в., особенно в университетской ориенталистике, иранистика занимала важное место. Истоки и развитие российской иранистики в Казани в XIX — начале XX в. указывают на историко-филологическую и сравнительно-историческую направленность и комплексность исследований.

На данном этапе осуществлен значимый историко-научный проект подготовки и издания работы «Из истории казанской иранисти-

**Советская военная миссия в Сайгоне.
26 октября 1946 — 13 января 1947 г.**

ки». Это оригинальная публикация, в которой освещаются известные и забытые страницы формирования и развития иранистики в истории одного из крупнейших центров российского востоковедения — Казанского университета. Представленные в ней документы Национального архива Республики Татарстан дают возможность оценить истоки и направления социополитического, образовательного и научно-исследовательского интереса к истории и культуре народов иранской цивилизации, осветить факты, события и процесс развития российско-иранских культурных и научных связей в XIX в.

Огромный интерес представляет комплекс документов, в которых освещаются события, имена, процесс изучения персидского языка, формирования направлений научного изучения истории и культуры народов Ирана.

Как известно, Первая Казанская гимназия и особенно разряд восточной словесности Казанского университета сыграли исключительную роль в подготовке учителей восточных языков для учебных заведений империи. Изучение персидского языка становится важным направлением в деятельности образовательных центров отечественного востоковедения. Лекторами и практикантами персидского языка в Первой Казанской гимназии в первой половине XIX в. были Ф. Эрдман, К. Фойгт, Н. Сонин (И. Багиров), К. Попов, И. Иванов и др. В целом образовательная и научная подготовка будущих иранистов предполагала специализацию по арабо-мусульманскому Востоку со знанием основных языков мусульманского мира: арабского, персидского и тюркских.

На рубеже 1840–1850-х гг. важным методическим принципом в организации иранистического образования стала интеграция гимназических и университетских курсов по персидскому языку, в целом восточных языков.

Во второй половине 1840-х — начале 1850-х гг. воспитанники изучали персидский язык в рамках арабско-персидского и персидско-армянского разрядов восточного отделения Первой Казанской гимназии.

В конце октября 1946 г. в Сайгон прибыла советская военная миссия по линии Управления по делам репатриации при Совете министров СССР, которая находилась там около двух с половиной месяцев. В ее составе было 3 человека: полковник Владимир Дубровин (руководитель), его адъютант Алексей Кузьмин и переводчик Владимир Вишняк. Официальная цель их поездки — репатриация советских граждан (в первую очередь — солдат Иностранного легиона), которые в то время находились во Французском Индокитае.

За время командировки члены советской миссии, помимо Сайгона и его пригорода Шолона, также побывали в Далате, Нячанге и Пномпене. Фактически они стали первыми советскими людьми, которые официально побывали в Сайгоне и, возможно, во Вьетнаме с начала XX века.

Работа над этой темой ведется уже около 15 лет и состоит из нескольких этапов, каждый из которых характеризуется, в первую очередь, возможностью доступа к архивным документам из российских и зарубежных архивов. Недавно открытые документы в Государственном архиве Российской Федерации позволили уточнить многие факты, ввести в научный оборот новые имена.

В 1847 г. для Святого Града началась новая эпоха: на иерусалимской сцене одновременно появились яркие творческие личности, целенаправленно преследовавшие свои конфессиональные интересы. Вместо неприметного епископа Александра во главе англо-прусского епископата встал деятельный Самуил Гобат, возглавлявший перед этим Английское библейское общество в Египте и Месопотамии. Деятельность Гобата встречала поддержку британского посла в Константинополе Стрэтфорда Каннинга, который добился значительных уступок Великобритании не только в военно-экономическом, но и в религиозном отношении. Важным достижением Каннинга стало издание в ноябре 1850 г. фирмана о протекторате Великобритании своим подданным в Турции, что открывало путь британскому прозелитизму среди православных. Незадолго до того Каннинг, заподозрив греческих монахов в изготовлении оружия, совершил поездку на Афон.

Летом 1852 г. Стрэтфорд Каннинг вернулся в Англию. Он не видел смысла в дальнейшем пребывании на Востоке, убедившись в нерешительности султана и неготовности империи к реформам. Но в апреле 1853 г. Каннинг, уже с титулом лорда Редклиффа, вновь возвратился в Турцию, чтобы взять под свой контроль ход дипломатических переговоров.

Документы российских и британских архивов не оставляют сомнений в том, что использование церковного фактора в середине XIX в. было признано неотъемлемым инструментом европейской дипломатии на Ближнем Востоке, а в силу консервативности этнорелигиозных отношений опыт дипломатической работы на церковном поле сохраняет свою актуальность и сегодня.

Следующий значимый комплекс документов, представленных в настоящем издании, позволяет утверждать, что к середине XIX в. ряд восточной словесности Казанского императорского университета стал центром востоковедения в России и Европе и изучения истории и культуры народов иранской цивилизации. В дальнейшем иранистические дисциплины и историко-культурные проблемы Ирана прослеживаются в исследовательской деятельности востоковедов Казанского университета и других образовательных и научных центров. На основе оригинальных источников можно проследить, как в XIX в. в Казани формировались образовательные и научные направления исследования иранского историко-культурного и этнолингвистического пространства.

В системе университетского востоковедения в Казани истоки иранистики связаны с педагогической и научной деятельностью ординарного профессора восточной словесности Х.Д. Френа (1782–1851 гг.) и его ученика — магистра восточной словесности Я.О. Ярцова (1792–1861).

Как свидетельствуют разнообразные оригинальные материалы, до середины XIX в. главную роль в изучении истории и культуры народов Ирана в университете играла образованная в 1828 г. новая кафедра арабо-персидской словесности, руководимая до 1845 г. Ф.И. Эрдманом (1793–1863), в 1846–1849 гг. — А.К. Казем-Бекем, в 1849–1855 гг. — ординарным профессором И.Ф. Готвальдом (1813–1897). Они были преподавателями персидского языка в университете, переводчиками, текстологами, историками и комментаторами ирано-язычных литературных и исторических сочинений.

Наряду с указанными профессорами кафедры занятия по персидскому языку и каллиграфии вели лекторы, адъюнкты и преподаватели — А. Мир-Моминов (1839–1845 гг.), М.-Г. Махмудов (восточная каллиграфия, 1843–1855 гг.), Абдуссатар Казем-Бек (в 1849–1855 г. преподавал персидский язык и словесность), И. Иванов (1845–1850 гг.), Н. Сонин (с 1846 г.), И. Холмогоров (арабский и персидский языки, 1849–1852 гг.).

Научное путешествие воспитанников разряда восточной словесности Казанского университета — И. Н. Березина (1818–1896) и В. Ф. Диттеля (1816–1848) на Ближний и Средний Восток (1842–1845 гг.) является замечательной страницей истории российской арабистики, иранистики, османистики и кавказоведения. Эта поездка по Ближнему и Среднему Востоку сформировала базу и направления их научной иранистической подготовки и широких исследовательских интересов. В период пребывания в основных центрах Персии, Ирака, Сирии, Палестины, Египта и Турции И. Н. Березин и В. Ф. Диттель хорошо изучили персидский, арабский и турецкий языки, ознакомились с географией, топографией, этнографией, историей и культурой народов Передней Азии.

К сожалению, в издание не вошли сохранившиеся в Национальном архиве Республики Татарстан многие рукописные материалы Мирзы Казем-Бека, посвященные языку и литературе персов до ислама, персидской литературе, иранскому эпосу, эпическим сказаниям древних персов, мифологии персов. В 1848 г. он опубликовал в журнале «Северное обозрение» оригинальную статью «Мифология персов по Фердауси». Важное значение имеют материалы, связанные с его сравнительным анализом древнегреческой и персидской мифологии. В целом интересными представляются размышления Мирзы Казем-Бека о генезисе, природе и образах персидской мифологии.

Согласно многочисленным документам, во второй половине XIX — начале XX в. возрождение иранистики в Казани было связано с организацией и преподаванием мусульманских языков в Казанском университете, с деятельностью востоковедных обществ — Восточного общества (1855 г.), Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878–1929 гг.) и новых востоковедческих учебных заведений и ассоциаций, возникших на этапе становления советского востоковедения (1917–1920-е гг.).

Разнообразные материалы Национального архива РТ в сравнении с документами других российских архивных центров (Москва,

гинь» об острове в Азербайджане, где османские военнопленные содержались в очень тяжелых условиях. Фильм «Стрелявшие в спину» рассказывает о сотрудничестве с русской армией армянского населения Османской империи. Часть фильмов находится в широком доступе в интернете.

И. Ю. Смирнова

Церковно-дипломатическое присутствие Великобритании в Святой Земле накануне Крымской войны (по материалам российских и британских архивов)

Заключение Лондонских конвенций и возвращение Сирии и Палестины под юрисдикцию Порты вызвало новую волну активности западных держав. Одним из важнейших событий европейского присутствия в Святой Земле стало учреждение англо-прусской епископии в Иерусалиме в 1841 г. Активизация английского церковного присутствия в Святой Земле и на Ближнем Востоке была следствием политических интересов Великобритании, а главным аргументом британских политиков была якобы «завоевательная» политика России и ее покровительство православным подданным Османской империи.

В отличие от европейских держав, Россия не стремилась к расширению своего дипломатического или церковного присутствия и, уступая в оперативности и эффективности конкурирующим державам, заведомо обрекала себя на «отставание». Первым, крайне осторожным ответным шагом российской дипломатии стало командирование в Иерусалим духовного лица, что привело к созданию Русской духовной миссии в Иерусалиме.

дения, подготовлены новые исследования. 25–27 сентября с.г. в Эрзеруме под патронажем Научно-исследовательского Центра им. Ататюрка и университета им. Ататюрка пройдет международная конференция «Кавказский (Восточный) фронт Первой мировой войны (по случаю 100-летия)», 6–8 ноября с.г. в университете Чанаккале состоится международная конференция, посвященная историческому наследию Первой мировой войны, ожидается проведение таких форумов и в других городах. 2) Публикация новых архивных документов и мемуаров. Сарыкамышская трагедия получила наиболее полную картину посредством дневников и воспоминаний участников той операции. До настоящего времени были опубликованы десятки мемуаров османских офицеров и солдат, в том числе побывавших в плену в России. В прошлом году был обнаружен еще один такого рода дневник — военнопленного офицера Хафыза Шабана-эфенди, который содержался в г. Кологрив Костромской губернии. Продолжается текстологическая работа над этим памятником, сняты документальный фильм и репортажи со внуками Хафыза Шабана-эфенди. Изданы интересные материалы об Энвер-паше; заслуживает внимания исследование Бюлента Оздемира по «турецким» материалам английской разведки. В своем выступлении мы расскажем о новых публикациях исторического и мемуарного жанра о Сарыкамышской операции. 3) Поиски мест захоронений османских военнопленных на территории России. С этой целью турецкие историки и документалисты побывали на предположительных местах захоронений османских военнопленных, выступали с предложениями об открытии мемориалов в Красноярском крае и др. регионах. В то же время уточнены данные о местах содержания российских военнопленных на территории Османской империи. 4) Создание документальных фильмов о Восточном фронте Первой мировой войны. Помимо документальных фильмов о Сарыкамышской операции, снят фильм «Адский остров Нар-

Санкт-Петербург и др.) показывают, что в дальнейшем иранистические дисциплины занимали важное место в проектах восточного отделения историко-филологического факультета Казанского университета (1905 г., 1916–1919 гг.) и курсов для практического изучения восточных языков (1911–1912 гг.). Персидский язык, персидская литература, история и культура народов Персии были представлены в деятельности Северо-Восточного археологического и этнографического института (1917–1921 гг.), в последующем преобразованного в Восточную академию (1921–1922 гг.).

В целом оригинальные документы, представленные в фондах Национального архива Республики Татарстан, позволяют оценить просветительские и научные традиции исследования иранской цивилизации в Казани в XIX в. Они связаны с основными направлениями и особенностями российской и европейской иранистики: преподавание персидского языка на классических литературных и эпических образцах; исследования в области живой персидской речи, народного творчества, фольклора и диалектологии народов Ирана; подготовка и издание учебных программ, пособий, учебников, хрестоматий, словарей; поиск, комплектация, изучение персидских рукописей и книг, материальных памятников иранской цивилизации; переводы персидских авторов; подготовка и организация научных путешествий в Персию, личные научные связи с отечественными и зарубежными иранистами и востоковедами; публикация оригинальных и переводных филологических, исторических, культурологических, естественно-географических, археологических и этнографических статей и работ по истории и культуре народов Ирана и др.

**Из эпистолярного наследия Н. Ф. Катанова:
письма российским востоковедам (конец XIX — нач. XX в.)
из фондов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН**

Выпускник восточного факультета С.-Петербургского университета (1888), зав. кафедрой турецко-татарской словесности, профессор Казанского университета Н. Ф. Катанов (1894–1922 гг.) — один из ярких национальных ученых и мыслителей российской науки, образования и культуры. Его жизненный путь и деятельность отражают важные события и тенденции отечественного и мирового востоковедения и тюркологии рубежа XIX–XX вв.

Научная, педагогическая и просветительская деятельность Н. Ф. Катанова — яркое свидетельство развития в России тюркологической науки и национальных гуманитарных исследований и научных школ. Жизнь и труды замечательного тюрколога, этнографа и фольклориста Н. Ф. Катанова можно оценить не только в координатах истории востоковедения в России и Европе, но и принимая во внимание широкий общественно-политический социокультурный контекст развития тюркских народов. Наследие и судьба хакасского ученого-просветителя и мыслителя в значительной степени определялись единством и многообразием истории и культур тюркоязычных народов России и зарубежных стран.

Важным рубежом жизненного и профессионального пути Н. Ф. Катанова после окончания восточного факультета Санкт-Петербургского университета в 1888 г. стало научное путешествие в 1889–1892 гг. в Центральную Азию с целью изучения языков и этнографии тюркских народов, организованная и поддержанная Русским географическим обществом (образовано в 1845 г.), Петербургской Академией наук и Министерством народного просвещения.

Назначение Н. Ф. Катанова от 9 ноября 1893 г. преподавателем восточных языков императорского Казанского университета обозначило

В условиях начавшейся войны нижегородские власти отмечали «подъем патриотизма среди магометанского духовенства (торжественные богомоления о даровании побед русскому оружию, патриотические манифестации и организация помощи семьям магометан, ушедших на фронт)». В рапорте на имя губернатора сергачского уездного исправника Разумовского от 21 сентября 1914 г. отмечалось, что имамы всех мечетей совершают «еженедельные молитвы по пятницам о здравии царского дома и ниспослании доблестному Русскому воинству и союзникам победы. В ходе этого производят тарелочный сбор и сами лично делают пожертвования, желая этим укрепить тот подъем патриотических чувств, которым охвачено население...». Имамы в те годы были общепризнанными руководителями махалля (мусульманских общин), и вполне логично, что именно они направляли патриотический подъем рядовых тружеников татарских селений.

А. Т. Сибгатуллина

**Сарыкамышская операция
в свете новых публикаций на турецком языке**

В Республике Турция подготовка к мероприятиям, посвященным 100-летию открытия Кавказского фронта и Сарыкамышской операции, ведется в нескольких направлениях. 1) Научно-исследовательская работа, организация международных научных конференций и симпозиумов. К сегодняшнему дню собрана полная библиография научно-публицистических книг о Сарыкамышской операции, переизданы некоторые наиболее популярные произведе-

**Архивные документы о настроениях российских мусульман
в годы Первой мировой войны
(рапорт сергачского уездного исправника
от 21 сентября 1914 г.)**

Вопрос о настроениях российских мусульман в период «германской войны» интересен, помимо прочего, с точки зрения исследования ценностных ориентаций, которые были присущи подданным Империи исламского вероисповедания. В их сознании не могло не быть некоего противоречия.

С одной стороны, будучи мусульманами, татары деревень Сергачского уезда Нижегородской губернии, безусловно, тяготели к Османской империи, где пребывала важнейшая для исламского мира фигура халифа всех правоверных. С другой стороны, татары, исповедовавшие ислам, являлись подданными Российского государства, традиционно служилыми людьми, участниками многих военных кампаний, которые вела Россия на протяжении жизни ряда поколений нижегородских татар. Для них ценностью были власть государя-императора и победа в начавшейся войне. Перед татарами-мусульманами губернии стоял выбор: встать под знамена исламской Турции, союзницы Германии, или же продолжать верно и преданно служить России.

Такие документы, как рапорт сергачского уездного исправника от 21 сентября 1914 г. и подобные ему, показывают, что выбор нижегородскими татарами был сделан в пользу второго варианта. В условиях начавшейся войны татары, призванные из Нижегородской губернии на службу, продолжали нести ее в ходе боевых действий. Кроме того, на службу призывались все новые и новые силы из всех татарских селений региона, пораженческих настроений не наблюдалось. За 1914–1915 гг. 90-тысячное татарское население губернии отправлено на фронт свыше 3.000 солдат.

следующий значимый период его научно-педагогической и общественной деятельности.

Заслуги Н. Ф. Катанова со студенческих лет в Петербурге (1884–1888 гг.), в периоды экспедиции в Южной Сибири и Восточном Туркестане (1889–1892 гг.) и преподавательской работы в Казани (1894–1922 гг.) состоят в исследовании языков, традиционных и новых форм экономической и социальной жизни, быта, фольклора и духовной жизни тюркских народов Саяно-Алтая, Сибиряка, Поволжья и Приуралья. Он оказал огромное влияние на развитие отечественной тюркологической науки.

На современном этапе развиваются разноплановые исследования катановского наследия, научной биографии, роли ученого в истории мировой тюркологии и культуре народов России. В целом внимание исследователей было сконцентрировано на публикациях разнообразных оригинальных текстов Н. Ф. Катанова и архивных документов. В изучении биографии и наследия ученого представлены также прикладные аспекты — языкознание, фольклористика, музейное дело, библиография и др. Эти материалы позволяют более объективно и комплексно оценить место тюрколога в истории российской науки и культуры рубежа веков, обозначить дальнейшие направления академического изучения наследия и судьбы ученого.

Особый интерес представляет многообразное эпистолярное наследие Н. Ф. Катанова. Первые письма, которые он начал писать своим наставникам, друзьям и коллегам, датируются 1884 г. Переписка продолжалась до его смерти в 1922 г. Письма дают возможность осветить и оценить многие значимые события творческой биографии Н. Ф. Катанова, которые оставались долгие годы вне поля зрения многих исследователей, изучавших жизненный путь студента, путешественника и профессора.

Огромный историко-научный интерес представляет неопубликованные письма, написанные известным российским востоковедом — В. В. Радловым (1837–1918), В. Р. Розену (1849–1908), Э. К. Пекарскому

(1858–1934), С. Ф. Ольденбургу (1863–1934), К. Г. Залеману (1849–1916) и другим ученым.

В настоящее время продолжается работа над реализацией проекта подготовки к публикации эпистолярного наследия Н. Ф. Катанова конца XIX — начала XX в., особенно его писем известным петербургским востоковедам В. В. Радлову, В. Р. Розену, К. Г. Залеману, Э. К. Пекарскому, С. Ф. Ольденбургу, В. В. Бартольд, которые представлены в фондах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН. В целом эти письма дают интересный материал о научных и личных связях отечественных ученых и заставляют задуматься о состоянии и перспективах российской ориенталистики и исследований культуры восточных народов России рубежа XIX — XX вв.

Р. М. Валеев, Р. Г. Федорченко

**Казанское университетское Китаеведение
(первая половина XIX в.):
обзор новых архивных материалов**

На протяжении XVIII — XX вв. в России формируется и развивается синология — актуальная научная дисциплина и направление мирового востоковедения. Истоки развития университетской синологии в России связаны с Казанью. Разнообразные архивные материалы свидетельствуют о том, что изучение Китая и китайского языка занимало важную роль в деятельности Первой Казанской гимназии и Восточного разряда Казанского университета в первой половине XIX в.

Большой интерес представляет комплекс документов Национального архива РТ в сравнении с другими отечественными архивными

ныя сведения русских, украинских, польских и др. источников о казаках. Принципиальное значение для решения дискуссионного вопроса о происхождении (времени возникновения явления), составе донских казаков, ранней географии их поселений поблизости от Азова, особенностях освоения казаками пространства имеют османско-турецкие документы 1550–1570-х гг.

Как показало обращение к османским источникам, они содержат информацию не только о взаимоотношениях казаков с османскими и крымскими властями, но и сведения о времени начала активной деятельности донцов (совпадающей со сведениями русских источников середины XVI в.), тактике их набегов, а также некоторую информацию об их отношениях с другими этноконфессиональными группами региона (ногаями, черкесами). Из числа проблем *ранней* истории донского казачества османские документы, при их рассмотрении в комплексе с русскими и европейскими источниками, дают многое для изучения истории населения, экономической истории Дона того времени, региональной военно-морской истории. Анализируемые документы по «казачьей проблематике» дают возможность составить более детальное представление о политике Высокой Порты по отношению к русско-казачьему населению, о роли в ее осуществлении властей азовского эксклава Османской империи. Изучение казачье-османских взаимоотношений во второй половине XVI в. на основе «Мюхимме дефтерлери» показало, что, несмотря на явное преобладание враждебных отношений между османами и казаками, уже тогда наметились пути к мирному сосуществованию. Таким образом, дальнейшее выявление, изучение и публикация османских документов по истории донского казачества представляет собой актуальную научную задачу.

Родульф родился в 1080 г. в нормандском городке Каэн и в крестовый поход отправился совсем юным, как и герой его сочинения, которому было около двадцати лет. Первоначально он служил у капеллана графа Нормандии Арнульфа, затем у епископа Адемара, занявшего пост патриарха Антиохии. Именно к нему, как «корректору» своего сочинения, обращается Родульф в «Деяниях Такреда». Но если Родульф мечтал о карьере историка при дворе Антиохийского князя, то этим мечтам не суждено было сбыться. Сложное положение христиан в Сирии заставило его оставить научные занятия и обратиться к изучению военных дисциплин. В 1107 г. он упоминается в документах как наемник князя Боэмунда, а затем как участник похода Танкреда против Эдессы.

Д. В. Сень, И. А. Мустакимов

Османо-турецкие документы второй половины XVI в. и дискуссионные вопросы истории донского казачества

Османские и татарские источники содержат ценные сведения об истории донского казачества. Их эвристический потенциал может быть проанализирован в связи с изучением вопроса о славянах османского Азова («руссов»-рыбаков) первой трети XVI в., об азовских казаках первой половины XVI в. Не менее важные сведения по истории донского казачества содержат османские документы второй половины XVI в., прежде всего — «Мюхимме дефтерлери» («Реестры важных дел») — книги регистрации текстов посланий и указов османских султанов. «Реестры» содержат документы, связанные с историей запорожского и донского казачества, существенно дополняя и уточ-

фондами (Санкт-Петербург, Москва и др.) в которых освещаются историко-научные события, биографии, формирование рукописных фондов, изучение китайского языка, в целом развитие исследовательских направлений научного и просветительского изучения истории и культуры народов Китая.

Формирование казанского университетского китаеведения связано с основными участниками и целенаправленной подготовкой выпускников университета для отправки в Пекинскую духовную миссию.

Например, в связи с подготовкой выпускников университета в состав XII духовной миссии в Пекин (14 марта 1838 г.) планировалось С. Рушко «отправить в Пекин для усовершенствования в языке китайском», В. Васильева — для «усовершенствования в языке тибетском», а студента М. Навроцкого — «для усовершенствования в языке монгольском, изучения языка маньчжурского».

В целом уточняются и дополняются события и процессы формирования китаистики в системе университетского востоковедения в Казани — об истории открытия 11 мая 1837 г. впервые в России кафедры китайской словесности, в 1844 г. преобразованной в китайско-маньчжурскую кафедру. Первым профессором китайского языка в Казанском университете стал архимандрит Даниил (Д. П. Сивиллов, 1798–1871), который преподавал в 1837–1844 гг. Преемником архимандрита Даниила в Казанском университете стал И. П. Войцеховский (1793–1850), заложивший основы научного маньчжуроведения в Казани в 1844–1850 гг. В 1851–1855 гг. кафедру возглавлял В. П. Васильев (1818–1900).

Материалы свидетельствуют о том, что первые университетские синологи были преподавателями китайского языка, переводчиками, текстологами, историками и комментаторами китайских литературных и исторических сочинений.

Следующая группа новых сведений раскрывает, что в истории отечественного востоковедения и китаеведения XIX в. важное место занимали научные путешествия в Китай и участие в составе Пекинской

духовной миссии монголоведа О. М. Ковалевского (1800–1878) и китаевода В. П. Васильева.

Особенно интересными являются систематизированные архивные материалы, связанные с казанским периодом учебы в разряде восточной словесности в университете и научно-педагогической деятельностью В. П. Васильева в Казани (1834–1855 гг.) и Санкт-Петербурге (1855–1900 гг.), составившие эпоху в истории отечественного и европейского китаеведения, монголоведения, буддологии и тибетологии.

В 1887 г. в связи с поздравлением по поводу 50-летней творческой деятельности после посещения профессорами Казанского университета В. П. Васильев писал В. В. Радлову (1837–1918): *«Меня больше всего порадовал Казанский университет; все же родной Университет, который меня приютил, поставил на ноги и благословил. Ко мне официально с адресом явились в деревню Корсаков и Готвальд. Выбор последнего был очень кстати; все же старый сослуживец, такой же недавний, но прежде меня, юбиляр. Старик, кажется, свежее меня, только ходить пешком не такой мастер, как я. Телеграммами меня засыпали, только китаисты забыли; верно готовятся к 6 сентября».*

Оригинальная группа материалов раскрывает деятельность лекторов и практикантов китайского языка в Первой Казанской гимназии и университете в первой половине XIX в. — А. Сосницкого (1792–1843), С. Рушко (1821–?), И. Ладухина (1823–1857) и И. Абдекаримова (1800–1865). Их педагогическая и научная деятельность стала значимой частью истории российской синологии XIX в.

Огромный историко-научный интерес представляют материалы, посвященные научной подготовке российских университетских синологов в первой половине XIX в. В 1845–1847 гг. на базе разряда китайской и монгольской словесности университета по запросу Академии наук в 1843 г. готовился к занятию места адъюнкта академии «по части китайской литературы» студент и выпускник Николай Зоммер (1824–1847). Архимандрит Даниил и О. М. Ковалевский подготовили «Инструкцию Казанского университета казеннокоштному студен-

Полагаем, политика российских властей объяснялась не столько желанием действительно улучшить положение женщин, сколько стремлением показать верховенство российского закона над обычным и мусульманским правом народов и государств Средней Азии, ослабить патриархальные отношения среди населения Казахстана, Туркестана и ханств Средней Азии, создав условия для дальнейших преобразований в этом регионе в политической, правовой и экономической сферах.

В. В. Прудников

Особенности и характер двух «норманнских» хроник первого крестового похода

Взгляды норманнов на первый крестовый поход и соответственно участие в нем хорошо представлены в двух сочинениях норманнских авторов — непосредственных участников первого крестового похода. Первым является анонимный автор хроники «Деяние франков и других иерусалимцев», которая представляет собой записи рыцаря-крестоносца, вероятно, итало-норманнского происхождения, который в начале крестового похода служил Боэмунду, а затем перешел на службу к Раймонду Сент-Жилльскому, графу Тулузы. Именно этот труд Ордерик Виталий и многие другие средневековые авторы использовали в качестве основного источника для написания своих хроник.

Другим норманнским автором был Родульф Каэнский, оставивший после себя произведение, воспевающее подвиги соратника Боэмунда Танкреда «Свершения князя Танкреда в походе на Иерусалим».

Политика российских властей по «эмансипации» женщин в Казахстане и Средней Азии в XIX — начале XX вв.

Власти Российской империи уделяли большое внимание положению женщин на ее национальных окраинах. По мере укрепления российского правления в Казахстане власти принимали меры по предоставлению большей свободы казахским женщинам, включая право обращения в суд, ухода от жестокого мужа и т. д. Эти нововведения нашли отражение в имперском законодательстве уже 1-й половины XIX в., однако даже в начале XX в. представители имперской администрации признавали, что прежнее положение женщин сохраняется, и их статус регламентируется обычным правом и судом.

Та же политика проводилась российскими властями и в Туркестане, уже первый губернатор которого, К. П. фон Кауфман, предпринимал попытки «освободить» мусульманских женщин от «нелепых» обычаев. В дальнейшем всячески поощрялось обращение жительниц Туркестана в российские суды (что ярко подтвердилось, в частности, во время ревизии К. К. Палена, что подтверждается многочисленными обращениями туркестанских жительниц к сенатору с целью защиты своих интересов).

Защита интересов мусульманских подданных Российской империи имела место и в отношениях между Россией и ханствами Средней Азии. Уже в начале XIX в. принимались судебные решения по спорам между российскими мусульманками и их бухарскими родственниками, причем на основе имперских законов (в интересах женщин и с их согласия), а не норм шариата. Когда же Бухара и Хива стали российскими протекторатами, туркестанская администрация неоднократно обращалась к бухарским и хивинским монархам и сановникам с целью защиты интересов российских мусульманок, например, выдававшихся против их воли (хотя и по законам шариата) замуж в Бухару и Хиву.

ту Зоммеру», которая была рассмотрена академиками Х. Д. Френом (1782–1851), Я. И. Шмидтом (1779–1847) и М. И. Броссе (1802–1880).

Данный документ раскрывает российскую университетскую учебную и исследовательскую программу подготовки китаеведа, монголоведа, маньчжуроведа и япониста. После окончания университетского курса Н. Зоммер, обучаясь в течение одного года в университете, должен был «раздвинуть пределы своих знаний как в языке, так и в истории Китая».

В целом комплекс опубликованных и неизвестных документов, сохранившихся в отечественных архивах, позволяет утверждать, что к середине XIX в. разряд восточной словесности Казанского императорского университета стал важным центром синологии в России и Европе и изучения истории и культуры народов китайской цивилизации.

На основе оригинальных источников можно проследить, как в XIX в. в университетском центре Казани формировались образовательные и научные направления исследования китайского историко-культурного и этнолингвистического пространства.

Оригинальные документы, представленные в фондах Национального архива Республики Татарстан, позволяют оценить научные традиции исследования китайской цивилизации в Казани в XIX в. Они связаны с основными направлениями и особенностями российской и европейской китаистики: преподавание китайского языка на классических текстах; подготовка и издание учебных программ, пособий, учебников, хрестоматий, словарей; поиск, комплектование, изучение и переводы рукописей и книг, материальных памятников китайской цивилизации; подготовка и организация научных путешествий в Китай и Центральную Азию; публикация оригинальных и переводных филологических, исторических, культурологических, естественно-географических, археологических и этнографических статей и работ по истории и культуре народов Поднебесной и др.

**Материалы по нефтяной проблематике
Ближнего Востока первой половины XX в.
в фондах Национальных архивов
Великобритании**

Нефтяной аспект международных отношений достаточно широко представлен в исторической и политической науках. Вместе с тем следует признать, что целый комплекс вопросов, исследование которых способствовало бы более глубокому пониманию роли и места нефтяного фактора в мировой политике, пока остается вне поля зрения аналитиков. Документы из Национальных архивов Великобритании, имеющиеся в фондах внешнеполитических, военных и финансово-экономических ведомств, позволяют раскрыть новые аспекты нефтяной дипломатии ведущих стран Запада на Ближнем Востоке в первой половине XX в. и провести параллели с текущей ситуацией на глобальном, региональном и страновом уровнях.

Фонд Форин Оффис располагает весьма обширными и разнообразными по характеру материалами, позволяющими выявить связь ближневосточной нефтяной дипломатии великих держав с их действиями на международной арене, а также раскрыть роль нефтяного фактора в процессе становления государств Ближнего Востока в качестве субъектов международных отношений. Это дипломатическая переписка с министерствами иностранных дел различных государств; донесения дипломатических миссий Великобритании в странах Ближнего Востока, Европы, США и СССР; стенограммы межведомственных совещаний; межминистерская и внутриведомственная корреспонденция; записи конфиденциальных разговоров с руководством нефтяных компаний и ведущих английских банков; отчеты о ходе нефтяных переговоров с правительствами стран реги-

6. Документы о пребывании турок в местах интернирования включают в себя материалы о различных видах их обеспечения, трудового использования, взаимоотношений с органами власти и населением и т. п. Названные документы отложились в РГИА (фонды: «Совет Министров», «Управление по сооружению железных дорог МПС» и др.), а также в региональных архивах (фонды канцелярий губернаторов, губернских и уездных земских управ, городских управ, уездных воинских начальников, полицмейстеров и уездных полицейских управлений, губернских присутствий по земским и городским делам и др.).

7. Проблемы послевоенной репатриации турок наиболее полно отражены в фондах РГАДА и АВПРИ (например, в фондах: «Сношения России с Турцией», «Константинопольская миссия», «II Департамент» и др.).

8. В освещении вопросов натурализации бывших военнопленных ключевое положение занимают документы фондов воеводских канцелярий РГАДА, а в региональных архивах фондов — канцелярий губернаторов, а также наместнических и губернских правлений.

9. Архивные документы содержат довольно мало сведений о бытовой стороне жизни военнопленных, порядке и условиях отправления ими религиозных обрядов, их взаимоотношениях с населением и т. п. Кроме того, во многом проблемными остаются вопросы, связанные с общей численностью пленных турок, интернированных во внутренние регионы страны, а также уровнями их заболеваемости и смертности.

в XVIII — начале XX в., не позволяет выделить какое-либо архивохранилище или даже группу архивохранилищ, в которых содержатся наиболее ценные сведения по рассматриваемой теме. Интересующие нас материалы были обнаружены в фондах таких федеральных и ведомственных архивов, как ГАРФ, РГАДА, РГИА, РГВИА, РГА ВМФ, РГАСПИ и АВПРИ.

Не менее ценными представляются источники, выявленные в архивохранилищах субъектов РФ, а именно в фондах государственных архивов Белгородской (ГАБО), Вологодской (ГАВологО), Воронежской (ГAVоронО), Курской (ГАКО), Орловской (ГАОО), Рязанской (ГАРО), Тамбовской (ГАТамбО), Тульской (ГАТулО) и Ярославской (ГАЯО) областей, а также Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИАК СПб), Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), Центральном архиве города Москвы (ЦАГМ) и Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ).

4. В зависимости от того, какую стадию пребывания подданного Оттоманской империи в русском плену освещает тот или иной источник, представляется наиболее рациональным дифференцировать документы Архивного фонда РФ на четыре основные группы, связанные с: а) формированием контингента военнопленных; б) содержанием турок в местах интернирования; в) их послевоенной репатриацией; г) натурализацией бывших военнопленных.

5. Стадия формирования контингента военнопленных позволяет раскрыть их состав и структуру, а также классифицировать по различным основаниям. Наиболее полно данная стадия отражена в документах ГАРФ (фонд «Департамент полиции»), РГВИА (фонды: «Канцелярия Военного министерства», «Инспекторский департамент», «Главный Штаб», «Главное управление Генерального штаба» и др.), РГА ВМФ (фонды: «Государственная Адмиралтейств-коллегия», «Канцелярия князя Г. А. Потемкина-Таврического по управлению Черноморским флотом» и др.).

она, встречах с представителями информационных агентств; пресса различных стран.

Огромную помощь Форин Оффис оказывало министерство по делам колоний, архивные фонды которых свидетельствуют о тесной связи нефтяной проблематики с вопросами укрепления военно-стратегических и экономических позиций Англии и Франции на Ближнем Востоке. Нефтяной и горнорудный департаменты министерства торговли, министерство энергетики и казначейство предоставляли дипломатам сводные статистические данные и аналитические материалы по финансово-экономическому положению ближневосточных стран, текущей ситуации на мировом и региональных рынках нефти и нефтепродуктов.

Архивные файлы военного министерства и министерства военной авиации, Нефтяного совета Комитета имперской обороны и Постоянного англо-французского нефтяного комитета, досье военного кабинета и стенограммы заседаний англо-французского Верховного совета союзников показывают военно-стратегическую значимость нефтяных объектов, расположенных в арабских странах, и их роль в формировании политики великих держав на Ближнем Востоке в первой половине XX в.

Таким образом, правительственные фонды Национальных архивов Великобритании обеспечивают исследование ближневосточной политики и нефтяной дипломатии великих держав и их нефтяных компаний весьма солидной и разнообразной источниковой базой.

**Материалы архива РАН о реформе письменности
тюркских народов СССР в 20-е – 30-е гг. XX в.**

В 1926 г. в Баку (Азербайджан) на I Всесоюзном тюркологическом съезде было принято решение провести латинизацию арабского алфавита. По итогам съезда в Баку в 1927 г. было принято постановление ЦИК СССР об образовании Всесоюзного комитета по введению ново-тюркского алфавита. Всесоюзный комитет начал свою работу в Баку, а его председателем был назначен видный советский партийный и общественный деятель С. А. Агамалы-оглы. В период с 1927 по 1929 г. комитет вел работу по организации реформы письменности первоначально тюркских народов СССР. Документы о его деятельности сохранились в Архиве РАН. Комитет вел переписку с советскими органами об учреждении филиалов и отделений комитета в республиках РСФСР, заказе типографского оборудования для оснащения типографий, издании учебных пособий и материалов. Документы Архива РАН свидетельствуют, что эта работа шла с большими трудностями, поскольку среди тюркской интеллигенции России не было единого взгляда на суть и методы реформы алфавита. Так, помимо центрального бюро комитета в Баку, собственную позицию отстаивали власти Татарской АССР, а с оригинальными идеями разработок нового алфавита выступали, в частности, языковеды Казахстана. В целом процесс реформирования алфавита, инициированный в Баку, шел с большими трудностями, встречая иногда не только непонимание центральных советских властей, но и зачастую противодействие других тюркских республик, отстаивавших свои приоритетные проекты реформы алфавита. Предварительное знакомство с материалами о деятельности ВЦКНТА позволяет утверждать, что они не потеряли своего научного значения и в настоящее время, находят отражение в ряде процессов в постсоветских республиках и регионах РФ.

**Документы Архивного фонда Российской Федерации
о турецких военнопленных в России в XVIII — начале XX в.**

1. История военного плена является сегодня одним из наиболее динамично развивающихся направлений отечественной историографии. Однако интересы российских ученых обычно ограничиваются анализом различных аспектов рассматриваемой проблемы применительно к периоду Первой мировой войны 1914–1918 гг., реже — Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., как исключение — эпохи Отечественной войны 1812 г. Однако к теме пребывания в России турецких военнопленных в XVIII — начале XX вв. отечественные историки обращаются пока еще сравнительно редко и, как правило, в контексте исследований, посвященных событиям Первой мировой войны. Между тем существование обозначенной историографической лакуны вряд ли можно признать оправданным хотя бы уже потому, что с 1677 по 1917 г., т. е. за 240 лет, Россия и Турция прошли через 11 войн, занявших в общей сложности свыше 50 лет.

2. Документы Архивного фонда РФ по рассматриваемой теме представляют собой многоплановый комплекс, источниковедческий потенциал которого позволяет исследователю практически полностью реконструировать все основные аспекты режима военного плена, который применялся в указанных хронологических рамках к подданым Османской Империи, начиная с момента их признания пленниками и заканчивая моментом репатриации (натурализации). Причем подавляющее большинство названных документов до настоящего времени не только не введено в научный оборот, но даже не подвергалось источниковедческому анализу.

3. Выявление, классификация и характеристика источниковедческого потенциала комплекса архивных документов, отражающих различные грани пребывания турецких военнопленных в России

- Побег пленных.
- Правонарушения, совершаемые как турками, так и россиянами в отношении турок.
- Заболеваемость и смертность турецких пленнх в России.
- Изменение режима содержания в плену отдельных лиц и отдельных категорий пленников.
- Освобождение из плена до начала массовой репатриации.
- Основные проблемы репатриации турецких пленнх из России.
- Натурализация в России бывших турецких подданных.
- Розыск отдельных лиц по запросам турецкого правительства
- Поступление турецких подданных на службу в Русскую и Красную армию.
- Участие турок в боевых действиях в периоды Первой мировой войны и Гражданской войны в России.

5. Как архивные документы, так и опубликованные источники содержат довольно противоречивые и неполные данные об общей численности интернированных в Россию турецких военнопленнх и, особенно, — «гражданских пленнх». Документы дают крайне мало сведений об уровне смертности лиц указанных категорий, о количестве репатриированных турок и оставшихся по различным причинам в России, о взаимоотношениях пленнх с населением, о совершенных ими правонарушениях.

6. Документы отечественных архивов, освещающие различные аспекты пребывания в России подданных Оттоманской империи в 1914–1918 гг., до настоящего времени используются отечественными историками в недостаточной степени.

Изучение этих материалов, их исследование, публикация, оценка и объективное историческое комментирование позволяют во многом прояснить остающиеся малоизвестным или сокрытым участие российских тюркологов и представителей национальной интеллигенции в политической и общественной деятельности России в 1920-е — 1930-е гг.

Д. Д. Васильев

Материалы о русских научных экспедициях в Восточной Анатолии в период Первой мировой войны

В архивах академических институтов и Архиве АН в С. Петербурге имеются документы, научные отчеты, фотографии и зарисовки, связанные с поездками русских ученых в годы Первой мировой войны по оккупированной территории Турции. Несмотря на военные действия на Кавказском фронте, эти поездки носили научно-гуманитарный характер.

29 ноября 1914 г., после начала Первой мировой войны, состоялось собрание Российской Императорской Академии наук, на котором было принято решение командировать ученых-археологов на Кавказский фронт.

Президент АН обратился к Верховному Главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу с просьбой разрешить уполномоченному АН командировку в район боевых действий на Кавказском фронте с целью охраны и научного описания архитектурных и археологических памятников. Разрешение было получено, и на Кавказский фронт был командирован академик Ф. И. Успенский.

Летом 1916 г. на Кавказский фронт с целью охраны памятников была командирована еще одна группа ученых, в которую вошли ака-

демики Н. Я. Марр, И. А. Орбели, приват-доцент Петербургского университета П. А. Фалев и хранитель археологического отделения Кавказского музея С. В. Тер-Аветисян. Кроме осмотра византийских и трапезундских архитектурных памятников древности, ученые составили этнографические заметки о лазах, проживавших в окрестностях Байбурта, с их фотографиями и описанием особенностей их быта.

Исторические памятники изучали известные русские ученые, работавшие в Русском археологическом институте в Константинополе, которые еще ранее, в конце XIX — начале XX веков, впервые выполнили зарисовки и фотографии Восточной Анатолии и других районов Турции. По указаниям русских академиков-востоковедов участник группы, профессиональный фотограф С. Бульбенко, выполнил фотографии Восточной Анатолии.

Большой интерес представляет фонд Стеллецкого, где собраны фотографии природных и исторических объектов района. Русская экспедиция под началом академика-спелеолога И. Я. Стеллецкого, в состав которой входил Бульбенко, проделала в 1917 г. исследовательский маршрут от Трабзона и двинулась далее на юго-восток. Она обследовала окрестности Эрзинджана и Байбурта, фиксируя археологические памятники и исследуя пещеры. В окрестностях современного Тезджана (бывший Мема-хатун) были обследованы развалины крепости Пекерич и пещеры вблизи крепости.

Фотографии Кавказа и Турции были подарены царской семье и впоследствии вошли в коллекцию Мраморного дворца в С. Петербурге. Эти материалы хранятся в нескольких архивных фондах С. Петербурга, но, к сожалению, не составляют единого досье, и их выявление в полном объеме представляет значительные трудности. Наиболее полная подборка фотографий Восточной Анатолии сохранилась в Фотоархиве ИИМК РАН и частично публиковалась.

к подданным Османской империи, начиная с момента их признания военнопленными («гражданскими пленными») и заканчивая моментом репатриации.

4. В числе названных узловых элементов считаем целесообразным выделить следующие:

— Организационно-правовые основы формирования контингента турецких пленников.

— Место и роль в защите гуманитарных прав османов дипломатическими представителями Испанского королевства как державы-покровительницы турецких подданных в России, а также сотрудниками Международного комитета Красного Креста, Османского Красного Полумесяца, Российского, Датского и Шведского обществ Красного Креста.

— Проблемы взаимодействия властей Российской и Османской империй, опосредованных дипломатическими представительствами Испании и США.

— Состав, структура и география размещения в России контингента военнопленных и «гражданских пленников» Османской империи.

— Особенности пленения (задержания) турок, их регистрации, учета и эвакуации (в первую очередь, в период Сарыкамышской операции Кавказского фронта в декабре 1914 — январе 1915 гг.).

— Обеспечение военнопленных и «гражданских пленников» в местах интернирования, в первую очередь, такие его разновидности, как квартирное, финансовое, продовольственное, вещевое и медико-санитарное.

— Порядок и использование трудового потенциала пленников.

— Отдельные права пленников и их реализация, в частности, права на свободу передвижения, обмен корреспонденцией с родиной, отправление религиозных обрядов, осуществление предпринимательской деятельности, перевод в иные местности.

— Право пленного на вступление в брак с российской подданной.

— Взаимоотношения пленников с органами власти, общественными организациями и населением.

тверждают, что в Азербайджане искусство написания книг, книжная культура, исламское книжное искусство достигло самых высоких вершин.

В. В. Познахирев

Военнопленные и «гражданские пленные» Оттоманской империи в России в 1914–1918 гг.

1. Вопросы, связанные с пребыванием в России в 1914–1918 гг. военнопленных Оттоманской империи, пока еще не стали предметом самостоятельного исследования и рассматриваются в отечественной историографии лишь фрагментарно, в контексте изучения проблем военного плена периода Первой мировой войны. В свою очередь, «гражданские пленные» как Турции, так и стран Тройственного союза в целом до настоящего времени вообще не привлекают к себе внимания отечественных историков.

2. Зарубежная историография данной темы разработана удовлетворительно. Однако документы Архивного фонда РФ, несмотря на их ключевое значение, используются в ней пока еще недостаточно, особенно фонды государственных архивов Калужской, Тамбовской и Ярославской областей, куда в 1914 г. была интернирована большая часть турецких подданных из числа гражданских лиц, застигнутых началом войны в России.

3. Комплексный анализ документов Архивного фонда РФ и опубликованных источников, как представляется, позволяет реконструировать все узловые элементы режима военного (и «гражданского») плена, который применялся в указанных хронологических рамках

К. А. Вах

Основание российского консульства в Иерусалиме в свете новых архивных документов

В Иерусалиме дипломатические представительства европейских держав появились намного позднее, чем в других узловых пунктах Османской империи, а российское консульство учреждается там с явным отставанием: через 20 лет после основания в Святом Граде консульства британского.

До настоящего времени в научной литературе не рассматривался вопрос: почему со стороны России это произошло так поздно? Работы, где история учреждения российского консульства в Иерусалиме затрагивается, в основном освещают деятельность самих консулов или описывают ситуацию, сложившуюся после его открытия. При этом основной источниковой базой для рассмотрения истории учреждения консульства в Иерусалиме остаются немногие документы, опубликованные в сборнике «Россия в Святой Земле».

Привлеченные нами новые архивные материалы позволяют ответить на важные вопросы: кто участвовал в учреждении русского консульства в Иерусалиме и в каких условиях это происходило.

Попечением о нуждах российских паломников занимались греческие церковные власти. Необходимость иметь в Святом Граде собственного представителя российского правительства не рассматривалась.

После Крымской войны ситуация изменилась. Россия была намерена укреплять свое пошатнувшееся влияние на Востоке. В Петербурге на учреждении иерусалимского консульства настаивали представители РОПиТ. Консульство должно было стать независимым, полноправным и совершенно самостоятельным от Русской духовной миссии.

Учреждение русского консульства в Иерусалиме было одобрено императором в рамках общих мер, предложенных Б. П. Мансуро-

вым по улучшению быта православных паломников, направлявшихся к святым местам. Вопрос был решен в начале февраля 1858 г. Организация всего дела, включая и выбор кандидатуры первого русского консула, были переданы на усмотрение Мансурова и РОПиТ. Мансуров на должность консула предложил своего товарища и сослуживца, с которым он работал в Крыму в 1855 г., В. И. Доргобужина.

Л. А. Герд

Деятельность архимандрита Антонина Капустина в Афинах (по материалам петербургских архивов)

Архимандрит Антонин Капустин, знаменитый отечественный деятель на православном Востоке, в течение десяти лет (1850–1860 гг.) был настоятелем русской посольской церкви в Афинах. Основной архивный документ по этому периоду — это дневник самого Антонина, который он вел в течение всей своей жизни, начиная с юности и до самой своей кончины в Иерусалиме в 1894 г. Оригинал дневника хранится в РГИА (фонд 834), машинописные копии в архиве ИППО в Москве и библиотеке музея истории религии в Петербурге. Дневник неоднократно привлекал внимание исследователей, два тома его (за 1881 и 1850 гг.) уже опубликованы.

Вопрос первостепенной важности — насколько дневник представляет ценность как исторический источник. Круг общения архимандрита Антонина был ограничен в основном клиром русской церкви, членами миссии и ближайшими друзьями-греками, принадлежавшими к русской партии. Информацию о политических событиях он получал либо из газет (он выписывал все основные афинские газеты),

С. А. Нейматзаде

Восточно-мусульманские рукописи с художественными оформлениями в фондах Института рукописей имени М. Физули НАН Азербайджанской Республики

Институт рукописей имени М. Физули Национальной академии наук Азербайджанской Республики — одно из крупнейших хранилищ рукописных книг. Здесь около 12 тысяч памятников письменности, написанных и переписанных в IX–XIX вв. на азербайджанском, турецком, туркменском, узбекском, арабском, персидском, а также других языках.

Рукописи, которые находятся в фондах института, несут в себе изысканность восточно-мусульманского искусства. Здесь речь идет не только об эстетике каллиграфии и переплета, но и образцах прикладного декоративного искусства, связанных с книжным изобразительным искусством, книжной культурой средневековья, также сталкиваемся с философией исламского искусства.

Во многих из этих рукописей богато декорированы (с краской и сульфидным золотом) закладки, внешние части книги, заголовки текстов, начало текста, разделы внутри текста, а также в «хаттима» или «кетембе», которые как обычно располагаются в конце рукописной книги.

Среди этих рукописей с художественными оформлениями часто встречаются такие виды тазхиба (происхождение от арабского слова — золочение), как классический вид с окрашенным фоном, зарафшан, зерендарзер, джифтетахрир, халкари. Надо отметить, что у каждого из указанных видов золочения имеется свое место в истории общего развития исламской культуры, в истории восточной культуры в целом. И каждый вид тазхиба имел технологии и методы исполнения, которые нельзя было менять.

Исследования рукописных книг с художественными оформлениями в фондах Института Рукописей имени М. Физули еще раз под-

тормозилось, помимо других причин, еще и пространственной расплывченностью и недостаточностью источниковой основы. Тем более что в историографии утвердилось мнение о гибели архивов местных органов управления и Приказа Казанского дворца.

В фондах Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки К(П)ФУ и Национального архива Республики Татарстан отложились «частные архивы» отдельных служилых родов. Удалось выявить более ста рукописей по истории рода князей Асановых, более 60 по истории рода князей Тенишевых, отдельные акты по истории служилых мурз и представителей «рядовых» служилых татар. Документальный комплекс состоит из публично-правовых, частных и делопроизводственных и частно-публичных актов. Охватывает период времени с 1597 г. по 1832 г., географически — уезды: Казанский, Свияжский, Симбирский, Темниковский, Саранский, Шацкий, Кадомский, Инсарский, Ломовский, Чебоксарский, Алатырский и Пензенский.

Информативный потенциал рукописей широк и разнообразен. Они позволяют: а) изучить процесс формирования и развития частной формы земельной собственности и особенностей эволюции помещичьей системы в Казанском крае и в России в целом; б) проследить побудительные мотивы, пути, этапы и результаты вхождения иноконфессиональных и иноэтничных групп служилого сословия в состав российского дворянства; в) исследовать историю конкретных родов, служебную карьеру и материальное обеспечение отдельных его представителей на протяжении почти двух с половиной столетий; г) рассмотреть эволюцию феодальных прав, судебного и податного иммунитета служилых татар.

Эта коллекция — бесспорный аргумент необходимости введения в исследовательский оборот документальных материалов XVI–XVIII вв. по истории служилых татар.

либо из уст знакомых. Очевидно, сотрудники русской миссии также делились с ним поступающими к ним политическими сведениями. Конечно, дневник отражает прежде всего частную жизнь Антонина, является своеобразным «портретом» автора. Однако сведения церковно-политического характера, которые в нем содержатся, представляют первостепенную важность и дают нам возможность во многом уточнить характер русской политики на Балканах в середине XIX в. Данные дневника дополняются и корректируются официальными материалами из архива Св. Синода.

Афинский период настоятельства Антонина совпал с признанием автокефалии Элладской церкви Константинополем, а затем и Российским Св. Синодом. Антонин кратко говорит об этом в дневнике, а документы, касающиеся посольства архимандрита Мисаила в Петербург в ноябре-декабре 1850 г., хранятся в фонде Св. Синода в РГИА. В дневнике подробно описывается другое событие, способствовавшее укреплению русско-греческих церковных контактов: возведение Антонина в чин архимандрита в 1853 г. Это, казалось бы, частное событие происходило в кафедральном храме Св. Ирины при соборном служении греческих архиереев и большом стечении народа; оно стало истинной демонстрацией авторитета России в Греции накануне Крымской войны. Первая половина 1850-х годов характеризовалась большим воодушевлением в греческом обществе и надеждами на освобождение греческих земель силой русского оружия, о чем Антонин постоянно говорит на страницах дневника. Особенно большое впечатление произвели на него оvationи в его честь в Патре летом 1853 г. После Крымской войны, однако, ситуация на Балканах изменилась. Россия в значительной степени утратила свой авторитет на Востоке, и среди греков возрастают антиславянские настроения. Антонин с грустью отмечает рост панэллинистических тенденций и враждебное отношение к России.

Политические события Антонин записывает в дневнике кратко, чаще всего это беспристрастная констатация факта; иногда, впрочем,

он дает меткие и порой ироничные характеристики деятелей, как гражданских, так и церковных. С большим почтением он относился к своему духовнику, о. Константину Иконому; личность же главного противника русской партии, архимандрита Феоклита Фармакидиса, удостоивается едких и саркастических эпитетов. Политика России в Греческом королевстве в XIX в. была пассивной; в задачи клира русской церкви, помимо совершения богослужений, входило миссионерство и посильная помощь делу Православия. На деньги, присланные из России, были восстановлены некоторые афинские церкви; по представлению Антонина была выслана денежная помощь пострадавшим от землетрясения в 1853 г. церквам центральной Греции; материальную поддержку получали две греческие церковные газеты, издававшиеся в Афинах.

Церковно-политическим идеалом Антонина было возрождение вселенского Православия, установление тесных контактов между Русской и Греческой церквами. Антонин любил Грецию и считал, что многие греческие церковные обычаи гораздо больше соответствуют духу Церкви, чем обычаи русские. Эти мысли, высказанные им в одном из донесений в Св. Синод, подверглись резкой критике. Византийское церковное искусство представляло для Антонина очень большой интерес: одним из его неосуществившихся проектов было создание в Афинах школы изящных искусств, по сути, аналог археологического института, в котором люди из России могли бы изучать памятники византийского искусства.

Главным делом архимандрита Антонина в Афинах было восстановление русской церкви Св. Троицы (Никодима). Дневник отражает с максимальной точностью все этапы работ, начиная с обследования руин и первого разговора с греком-архитектором Телемахом Власопуло и заканчивая получением русских наград участниками строительных работ. Статья Антонина о раскопках в подzemелье церкви, где им была обнаружена цистерна римской бани, опубликована как в русском, так и в греческом варианте. Конечно, реконструкцию церкви Никодима нельзя назвать научной реставрацией; основная часть хра-

гестанского происхождения, поскольку именно на этой территории язык Корана с давних времен использовался в деловых целях. Письма, донесения и обращения различных дагестанских феодальных владетелей и вольных общин, а также копии документов, отправленных в их адрес, архивировались и дошли до наших дней. В период Кавказской войны к данной группе документов присовокупилась письма Шамиля, донесения его внутренних противников, а также обращения имама к закавказским мусульманам и его международная корреспонденция, которые перехватывались русскими военными, например, на пути в Стамбул. Для конца XIX в. характерны различные конфискованные материалы, принадлежавшие лицам, преследуемым по политическим мотивам, судебные дела и все те же обращения как частных лиц, так и обществ. Все эти документы бережно сохранены, часто имеют присовокупленные современные документам переводы военных толмачей. Обнаружить и выявить их в обширной коллекции Центрального исторического архива Грузии довольно сложно, поскольку они вшиты в дела, названия которых не всегда адекватно отражают их содержание. Многие документы до сих пор не известны специалистам-кавказоведам, не введены в научный оборот, могут стать ценным источниковым материалом в исторических исследованиях.

Д. А. Мустафина

Документальные материалы о служилых татарах в древлехранилищах Казани

Одним из элементов сословной иерархии Российского государства в XVI — начале XVIII в. была категория «служилых татар». Исследование особенностей сложения и эволюции этой социальной категории

в частности Госплана и КирЭКОСО (Смагул Садвокасов), понимали рентабельность межрегиональных поставок, но не имели полномочий.

Косвенное подтверждение факта межрегиональной торговли нами обнаружено в архиве. На страницах краевой советской периодики 1925 г. размещено объявление о санкционировании ЭКОСО (Экономическим совещанием при СНК РСФСР) ярмарочной торговли на границе с Сынцзяном. Речь шла о Каркаралинской и Куяндинской ярмарках, устанавливался льготный тариф на страхование ярмарочных грузов и разрешался беспшлинный ввоз товаров из Западного Китая (щетины, кожи, шелка и др.). находка развивает раннюю концепцию о региональных договоренностях периода гражданской войны. Источники архивов подтверждают факты организации системных внешнеэкономических контактов по периметру государств Центральной Азии. Современная парадигма выстраивается по «кальке» исторических трасс.

М. А. Мусаев

**Арабоязычные материалы XIX в.
в Центральном историческом архиве Грузии:
опыт выявления и изучения**

Со дня подписания Георгиевского трактата Тифлис в планах петербургских стратегов виделся как форпост влияния на Кавказе и центральный пункт обширного региона, предполагавшегося к включению в состав империи. Вскоре этот статус был подтвержден — с самого начала XIX в. город стал ставкой главнокомандующего на Кавказе, впоследствии Кавказского наместника. В Тифлис стекалась вся информация с Кавказа. Среди них имелись и арабоязычные документы, в большинстве своем да-

ма, вместе с византийскими фресками, была сломана и выстроена заново. Однако в сравнении с восстановлением и перестройкой других афинских церквей, производившимися в то же время, когда древний облик храма менялся до неузнаваемости, здесь византийская архитектура здания была в целом сохранена.

Антонин восстановил еще одну византийскую церковь Афин — Св. Пояса Богоматери в Патисии, о чем также подробно рассказывает на страницах дневника. Строительство другого русского подворья в Афинах, так называемой «Анатолии» в Илисии, было менее удачным из-за регулярных разливов реки.

Важное место в жизни Антонина занимали путешествия, по следам которых он впоследствии публиковал статьи. В 1852 г. он посетил Италию, в 1853 г. Пелопоннес и центральную Грецию, в 1857 г. Иерусалим и Египет, в 1859 г. Афон. Кроме того, о. Антонин неоднократно совершал небольшие путешествия по островам Архипелага. Так, он побывал на Сиросе, Тиносе, Эгине, Поросе, а также небольших Петалийских островах. Сравнение описаний (порой очень кратких) в дневнике с опубликованными статьями показывает, что печатные его сочинения являются во многом литературными произведениями, а не документальным отражением виденного. Путевые заметки Антонина — интересный источник, живое свидетельство очевидца, образованного и внимательного путешественника. Вместе с тем они представляют ценность и в научном отношении: Антонин подробно описывает виденные им памятники и рукописи в монастырских библиотеках.

Продолжение работы над подготовкой научного комментированного издания Дневника даст возможность представить широкому кругу специалистов и заинтересованных читателей этот уникальный памятник.

**Русское присутствие в Палестине
после Первой мировой войны
(по материалам архивов Центрального
эмигрантского правительства)**

В нашем распоряжении оказались архивные документы (31 лист), представляющие собой переписку Центрального эмигрантского правительства в Париже с бывшим российским посланником в Египте А. А. Смирновым. Алексей Александрович не признал Октябрьскую революцию и продолжал исполнять свои обязанности вплоть до кончины в 1924 г. несмотря на то, что Совнарком отстранил его с поста. Остался в Египте и российский консул в Александрии А. М. Петров, работавший в этой должности с 1912 г. Александр Михайлович был членом Императорского Православного Палестинского общества (ИППО) и часто ездил в Палестину по делам Общества. Кстати, и вторично женился он там же, на русской паломнице, застигнутой войной в Святой Земле. Эти документы входят в фонд: “Ambassade de Russie. Archives secretes”. Они датируются 1919–1920 гг. и охватывают следующие темы. 1. Состояние российской недвижимости в Палестине: а/Генконсульство в Иерусалиме, б/Императорское Православное Палестинское Общество. 2. Финансирование российских дипломатических учреждений в Египте. 3. Положение русских паломников, застигнутых военными действиями.

Кроме дипломатических представительств в Каире, Александрии, Порт-Саиде и Суэце на Ближнем Востоке нигде более не осталось русских дипломатов. Поэтому на них Центральным правительством в изгнании были возложены задачи по выполнению некоторых неотложных мер в Палестине.

Посланник Смирнов дал подробный отчет о состоянии объектов русской недвижимости на 6 листах (д. 73). 4 сентября 1919 г. он пи-

**Синьцзян во внешнеэкономической орбите
Казахской автономии**

Международные экономические контакты в регионе Центральная Азия — Западный Китай начала XX в., как и предыстория современных мегапроектов «Западная Европа — Западный Китай», лежат в одной плоскости. Общность истории и культуры Центральной Азии, методология и практика приграничных торгов подлежат реконструкции на материалах архивных фондов и коллекций.

Изучение истории народов Центральной Азии, реконструкция на основе вновь обнаруженных источников и проведение комплексных сопоставительных исследований единого культурно-исторического пространства региона и сопредельных областей составляет цель прикладного архивного востоковедения в Казахстане. Достижение задачи реализуется посредством научных экспедиций, обработки результатов и издания источников. Исследование архивных фондов КНР на предмет выявления свидетельств об интеграционных инициативах правителей Казахского государства обогатило отечественное востоковедение уникальными изданиями документов 1757–1763 гг.

Сопоставительный анализ диктует необходимость выявления источников об интеграционных экономических проектах в субрегионе Казахстан — Синьцзян (Северо-Западный Китай) начала XX в. История Евразии кардинально была «переписана» событиями Первой мировой войны. Имперский строй сменился политическим хаосом. Разлом империи отозвался на окраинах; национальные автономии после гражданского противостояния приступили к реализации региональных проектов международных (приграничных) торгово-обменных операций. Нами найдены документы об активизации казахской торговли с Синьцзяном в конце 1920-х годов. Вопросы международного протокола решались централизованно, согласование шло через ЦК РКП(б). Руководители Казкряя,

Очень мало фактов сохранилось о жизни современника этих ученых Ахмада ибн Абдаллаха ал-Мервези из города Мерва (ныне Туркменистан), известного еще под именем Хабаша ал-Хасиба (дословно Хабаша-вычислителя). Он работал в интервале дат 815–869 гг. и умер около 870 г. Известно, что этот ученый проводил собственные наблюдения в Багдаде, но не входил в группу астрономов во главе с Яхья ибн Аби Мансуром, составивших «Проверенный зидж».

Хабашу ал-Хасибу принадлежат несколько работ, в том числе зидж Хабаша, одна из копий которого хранится в настоящее время в Берлинской библиотеке рукописей и доступна исследователям. Весь зидж пока еще не переведен. В то же время его составная часть — таблица звезд — сама по себе представляет большой научный интерес, так как может продемонстрировать пути передачи информации от более ранних работ начала IX в. к более поздним работам арабских астрономов X в., в частности, ас-Суфи (903–986).

Сравнительному анализу подвергнута таблица 30 звезд, входящая в состав зиджа Хабаша. Первые 25 звезд совпадают со звездами ал-Фергани, пять звезд добавил сам Хабаш. Было проведено отождествление этих пяти дополнительных звезд по их координатам. Затем координаты звезд Хабаша сравнивались с координатами звезд из таблиц его предшественников. Разность долгот звезд из разных таблиц, обусловленная прецессией, позволила определить эпоху таблицы Хабаша — 924/25 г. Эта дата находится за пределами жизни автора, можно предположить, что поправки внесены одним из ранних переписчиков.

сал в Париж: «Большинство наших учреждений занято англичанами и нам не возвращено». Посланник перечислил 10 объектов Русской духовной миссии в Палестине, о других он не знал. Подавляющее большинство объектов миссии разграблено, церковная утварь, мебель и имущество расхищены (женские монастыри на Елеонской горе и в Айн-Карме, подворье в Вифании и т. п.). 6.000 апельсиновых деревьев в русском саду возле Яффы вырублены. Церковь и постройки на горе Кармель возле Хайфы в начале войны были отданы под казармы и госпиталь.

Не лучшим образом обстояло дело и с недвижимостью ИППО. Хотя Александровское, Веняминовское подворье, библиотека, контора, склад книг «сравнительно хорошо сохранились», то Сергиевское, Елизаветинское, Мариинское, Николаевское подворья разграблены, больница, мастерские были превращены в конюшни.

Семинарии и школы в Бейт-Джале, Вифлееме, Назарете, в Хайфе, Дженине, Рамле, на Тивериадском озере были также разграблены. Сады вырублены.

Генеральное консульство сильно пострадало. Дома для нештатных служащих и для штатных секретарей были разрушены.

Это был еще не полный список разрушений. А. А. Смирнов обещал, что со временем будут составлены более подробные списки.

24 сентября 1919 г. А. А. Смирнов оценил сумму, необходимую для неотложного ремонта зданий, найма сторожей для охраны зданий и т. д., в 10.000 ф. ст., без которой «погибнет имущество огромной ценности». Сами российские дипломатические представительства в Стране пирамид испытывали острый финансовый недостаток.

В дипломатической переписке руководителей эмигрантского правительства в Париже Сазонова, Маклакова, Гулькевича, Погуляева и др. с посланником Смирновым говорится о бедственном положении служащих ИППО в 1919–1920 гг. Но особенно в затруднительном положении оказались русские паломники в Палестине. Он пишет, ссылаясь на сообщение священников из Иерусалима: «Мне говори-

ли о 200 паломницах, умолявших отправить их парохомом в Россию, но бедствуют не только эти 200, а гораздо больше — почти все наши паломницы. В ужасном положении и русские в Сирии. Крайне нуждаются и наши офицеры, проезжающие через канал. Я старался облегчить их положение насколько мог, но не имею средств помогать материально. Помощь нужна широкая».

Н. В. Громова

Африканистика в архивных материалах РГАСПИ

В 1934 г. в ведущих московских и ленинградских вузах планировалась подготовка молодых кадров африканистов. На «Совещании по африканским языкам» был принят план работы в области лингвистики и этнографии. Материалы Совещания (стенограмма, план работы и сборник докладов, сделанных на конференции) хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории.

Практическая часть плана работы в области лингвистики и этнографии содержала список конкретных работ. Так, в разделе «Этнография» указаны следующие работы: Шийк. «Современное состояние общин в африканских обществах»; Снегирев. «Община у зулу» и «Теория Фробениуса о развитии африканских обществ»; Ольдерогге. «Община у суто» и «Теория прамотеизма в отношении африканских обществ». Раздел «Лингвистика» предусматривал подготовку словарей по «новейшей социально-экономической терминологии» в языках хауса (Юшманов), зулу и коса (Снегирев), суто (Ольдерогге), суахили (Данилов), а Кузнецову вменялась подготовка работы «Проблема отдельного слова суахили». Работы, рассчитанные на срок 2–3 года,

мацию для этой обзорной статьи он собирал во время командировки в Европу (1859 г.), в частности, в Нюрнберге. В обширном труде (1865 г.) перечислены 24 восточные астролябии, включая 6 российских. Фактически это был первый каталог восточных инструментов, известных к тому времени в Европе. В этой же статье Дорн подробно описывает астролябию, которая в настоящее время хранится в Кунсткамере и имеет близкие по времени аналоги в зарубежных музеях.

Информацией с линии соприкосновения западной и восточной культур Дорна подпитывал востоковед и дипломат Н. В. Ханьков (1819–1878), который в 1850-х гг. работал в Тебризе и Хорасане.

Все работы Дорна написаны на немецком языке, благодаря чему они стали известны европейским исследователям. Настало время познакомиться с ними и российским историкам науки. Изучение работ Б. А. Дорна об астролябиях позволяет проследить судьбу некоторых инструментов и дополнить его исследования современными сравнительными данными.

С. Ю. Масликов

Перевод и сравнительный анализ таблицы звезд арабского астронома IX в. Хабаша ал-Хасиба

В первой половине IX в., во времена правления аббасидских халифов ал-Мамуна (813–833) и ал-Мутасима (833–842), на территории арабского халифата сложились весьма благоприятные условия для развития астрономии. Впервые со времен Птолемея были проведены самостоятельные наблюдения звезд. До нашего времени дошли работы ал-Хорезми, ал-Фергани, ал-Кинди, Сабита ибн Корры.

чалось преподавание монгольского, корейского и тибетского языков. Во время войны Гарвардский университет участвовал в военных программах США по подготовке востоковедов, прежде всего, японистов, в которых нуждались вооруженные силы. Основное участие в этой деятельности принимал С. Г. Елисеев, подготовивший совместно с учениками ряд необходимых учебных пособий разного уровня.

С. Ю. Масликов

**Работы востоковеда Б. А. Дорна,
посвященные планиферным астроябиям**

Российский востоковед Борис Андреевич Дорн (1805–1881) почти 40 лет возглавлял Азиатский музей в С.-Петербурге. Он составил каталог восточных рукописей, изучал языки и историю народов Ближнего Востока. Именно с этих сторон хорошо исследовано его творчество.

Мало известно о деятельности Б. А. Дорна в области изучения научных инструментов прошлого, и, в частности, планиферных астроябий. В статьях об астроябиях «с восточной гравировкой» Б. А. Дорн пунктуально описывает инструменты, попадавшие в поле его зрения. В первой работе (1838 г.) он рассматривает инструмент, принадлежавший арабисту и тюркологу А. О. Мухлинскому (1808–1877). Следующим (1841 г.) стал инструмент профессора Казанского университета мирзы А. Казем-Бека (1802–1870). Вскоре (в 1844 г.) Дорн обнаружил еще одну астроябию у оренбургского муфтия Абдулвахиды Сулейманова.

Завершающую, четвертую и наиболее полную свою работу о научных инструментах Б. А. Дорн написал уже в ранге академика. Инфор-

включали «Граматику языка зулу» и «Зулу-англо-русский и обратный словарь» (Снегирев), а также «Граматику суахили» (Ольдерогге).

К сожалению, ни одно из решений конференции не нашло реального воплощения. Не была опубликована ни одна из запланированных работ по этнографии или африканским языкам. Тем не менее первая в России конференция африканистов представляет собой, несомненно, серьезный этап в развитии отечественной африканистики, заслуживающий и уважения, и признания значимости усилий и опыта первых отечественных африканистов.

Ю. Н. Гусева

**Мусульманская «секта» ваисовцев в начале 1920-х гг.
(по материалам Центрального архива ФСБ РФ)**

Предмет исследования — последний этап существования ваисовского движения поволжских мусульман. Именуемое «поволжским вахабизмом», «мусульманской сектой» ваисовство является одной из уникальных форм регионального поволжского ислама. Эта форма до настоящего времени не получила единой оценки отечественных и зарубежных востоковедов, в том числе, ввиду отсутствия источников, отражающих эволюцию движения в постреволюционный период.

Источники — рассекреченные материалы Восточного отдела ОГПУ, которые способствуют анализу сложившейся в начале 1920-х гг. модели государственно-исламских отношений. Они дают возможность ответить на вопрос: при каких условиях в регионе может появиться питательная почва для укрепления идей «очищения ислама», развития мусульманских сект? Они позволяют рассуждать о компе-

тентности государственных органов, отвечавших за разработку «мусульманской темы» в ранний советский период.

Анализируемые документы представляют собой обзоры, доклады, сводки по разработкам ваисовского движения, рожденные в недрах Всетатарского (Татарского) отдела (Всетатотдела) и Восточного отдела ГПУ-ОГПУ (ВО ОГПУ), отложившиеся в фонде №2 Центрального архива ФСБ РФ. Наиболее пространным и содержательным документом является «Сводка по разработке о «Ваисовцах»/Божьих войнах/. Дело №342, тома IV и V» (при общем докладе о восточной работе от 28 декабря 1922 года за №4569/с).

Приведенные в документах заключения являются весьма многогранными, но лишь отчасти объективными. Специалисты ведомства упускали из виду причины социально-экономического и мировоззренческого характера, которые могли привлечь людей в «секту». Следует отметить достаточно высокий уровень экспертной работы сотрудников ОГПУ. Их попытка анализа ваисовства как целостной системы взглядов сравнительно более многогранна, нежели оценки партийных, советских местных органов, которые видели в нем типичную секту. В этих документах заметен более вдумчивый подход — попытка разобраться в основаниях явления, обнаружить сходные мировоззренческие концепты (в мусульманском и христианском мире), который при этом был не доведен до логического конца и обрел соответствующее эпохе идеологическое оформление.

В целом данный сюжет иллюстрирует частичное наследование позднеимперской модели государственно-исламских отношений; показывает, что в этот период в татаро-мусульманской среде отсутствовали основания для закрепления пуристских, салафитских настроений. Данные документы также не позволяют считать ваисовство «поволжским вариантом ваххабизма».

Документы из архивов Гарварда о жизни и деятельности японоведа Сергея Елисеева

Документальные материалы о жизни и деятельности С. Г. Елисеева в США отложились в архиве Гарвардского университета, в архиве Института Гарвард-Яньцзинь и в библиотеке Хутон. В библиотеке Хутон хранятся письма С. Г. Елисеева к археологу сэру Аурелю Стайну и переписка Елисеева с гарвардскими профессорами Уильямом Хоккингом и Джоном Фэйрбэнком. Документы, хранящиеся в архиве Гарвардского университета, разнородны по характеру. Это документы, касающиеся программ преподавания в бакалавриате и магистратуре за ряд лет, письма С. Г. Елисеева о состоянии китайско-японской библиотеки и покупке новых книг, материалы о работе над китайско-английским словарем, отчеты о работе Института Гарвард-Яньцзинь, меморандум С. Г. Елисеева об азиатских исследованиях после войны и пр. Среди документов из архива Института Гарвард-Яньцзинь, проходивших в то время оцифровку, автору доступны оказались лишь протоколы заседаний исполнительного комитета института. Среди них наибольший интерес представляет обсуждение кандидатуры Сергея Елисеева на пост первого директора Института Гарвард-Яньцзинь, состоявшееся в 1933 г. Большое значение имеют документы об изменении сферы интересов института с Китая на Японию и Корею, в чем большую роль сыграл С. Г. Елисеев.

С. Г. Елисеев проработал в США в течение 23 лет на должности директора Института Гарвард-Яньцзинь, занимавшегося финансированием и курированием системы высшего образования в христианских университетах и колледжах в Китае, и заведующего отделением Дальневосточных языков Гарвардского университета. За эти годы на отделении прошло подготовку около двух тысяч студентов-японистов. Готовили также и китайистов, а после Второй мировой войны на-

читателю. По сути, он был фигурой умолчания, только в последние годы о нем появился ряд статей и небольшая книга его родственника, Б. Д. Сыромятникова.

С. Н. Сыромятников не являлся профессиональным востоковедом. По образованию он филолог, специалист по скандинавским языкам. Однако во второй половине 1890-х гг. он совершил несколько поездок на Дальний Восток: сначала вместе с посольством князя Э. Э. Ухтомского в Пекин (по-видимому, в качестве корреспондента «Нового времени») в 1897 г., он также побывал в Корее и Японии. Затем было участие в негласной корейской экспедиции 1898 г., поездка на русско-японскую войну 1904–1905 гг.

К сожалению, его бумаги сохранились в незначительной степени. Личный фонд С. Н. Сыромятникова, хранящийся ныне в Пушкинском доме (Институт русской литературы), весьма невелик и объединяет фрагменты когда-то большой коллекции документов. По отрывочным упоминаниям в различных источниках можно попытаться хотя бы отчасти представить, что там содержалось. Помимо бумаг от журналистской деятельности, у С. Н. Сыромятникова имелось немало различных материалов, связанных с Востоком. В докладе будет предпринята попытка охарактеризовать некоторые части утраченных либо еще не обнаруженных комплексов документов. Они представляют значительный интерес, так как касаются экспедиции в Корею 1898 г., деятельности безобразовцев. Помимо политической деятельности, С. Н. Сыромятников изучал восточные языки (китайский, корейский, японский), составлял карточные словари. Он собрал весьма значительную библиотеку, в которой была представлена и литература на восточных языках. По-видимому, часть ее находится ныне в Институте восточных рукописей (Санкт-Петербург), куда хозяин частично продавал свои книги в 1920-х — начале 1930-х гг.

Рукописи российских востоковедов в Казани

В современной России в числе основных центров хранения востоковедных исторических документов особое место занимает Казань. Среди прочих материалов в архивохранилищах этого города имеются рукописные работы российских востоковедов. Но до настоящего времени не все рукописное наследие в части изучения истории Центральной и Восточной Азии всесторонне исследовано и введено в научный оборот.

На сегодняшний день основными хранилищами рукописного наследия российских востоковедов в Казани остаются Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ) и Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета (ОРПК НБ К(П) ФУ).

Самой старой русской работой по истории Центральной и Восточной Азии, из числа сохранившихся в казанских архивохранилищах, является труд И. К. Рассохина «Краткое известие Дайцинского или Китайского государства, о манджурских ханах, секретном разположении манджурского войска и о состоянии китайского столичного города Пекина...». В конце рукописи имеется дата — 1763 г. Этот исторический документ, объемом в 79 листов, хранится в библиотеке Казанского университета.

В Национальном архиве Республики Татарстан хранится рукописная работа выдающегося монголоведа Я. И. Шмидта «О народных племенах монголов. Прибавление к истории сего народа и княжеских домах». В архивохранилищах Казани хранятся рукописи, отражающие научное наследие выдающегося китаевода архимандрита Петра (Каменского), например, «Выписка из журнала Начальника миссии Его Высокопреподобия Отца архимандрита и кавалера Петра». Широко в архивах представлено рукописное наследие выдающегося сиолога

Иакинфа (Бичурина). Большой интерес представляет архивное дело «Объяснение ответов Крузенштерна на вопросы Вюрста относительно Китая. Французский текст и перевод на русский язык. Комментарии Иакинфа Бичурина». Авторство некоторых больших рукописных работ по истории Китая до сих пор остается под вопросом, например: «Из истории завоевания Китая Маньчжурами в XVII в.».

В Казани сохраняется рукописное наследие известного русско-го синолога первой половины XIX в. А. И. Сосницкого. В архивных фондах сохранились следующие его работы: «Завещание Императора Дзя-цин»; «Доклады Юнь-Вана»; «Происшествие в Корее около 1800 го года»; «О Албазинцах»; «Письмо Князя Шана к Королю Усангую» и др. В работе А. И. Сосницкого «Краткое описание государей» освещались разные периоды истории Китая. Большой интерес представляют рукописные работы бывшего причетника Пекинской миссии Н. И. Вознесенского. В архивном деле «Замечания о Китае. Николая Иванова Вознесенского 1828-го года. Пекин» имеется, например, рукопись «О баснословных Китае временах».

В архивохранилищах Казани хранятся рукописные работы, относящиеся к периоду второй половины XIX — начала XX в., когда все казанское университетское востоковедение уже «было вывезено» в Санкт-Петербург. Здесь сохранились труды преподавателей и студентов Казанской духовной академии. В качестве примера можно привести курсовое сочинение 1889 г. студента Ивана Попова — «Ламаизм в Тибете, его история, учение и учреждения», которое написано на основе немецкоязычных публикаций. В НАРТ имеются рукописные работы студента Голстунского «Биография Дзонкавы, как лица исторического...»; «Лекции по буддизму» доцента священника И. В. Попова за 1895 г. Еще одна сохранившаяся в Казани рукопись — «Беглое обозрение Китайской истории Ду Джао. Перевод с китайского иеромонаха Иннокентия», датируется по приписке — «Печатать. Председ. Н. Катанов». Более ста страниц основного текста перевода китайской исторической работы сопровождается многочис-

1953 г. Здесь можно отметить материалы, касающиеся инструкций советским послам в Израиле и других странах по т. н. «еврейскому вопросу», об отношении к передачам израильского радио на Советский Союз, обзор сведений о мнениях советских граждан, в том числе евреев, о разрыве дипотношений с Израилем в 1967 г. Немалый интерес представляет и «коллекция рассекреченных документов ЦК КПСС», в основном относящихся к периоду перестройки. Они раскрывают позицию советского руководства по эмиграции советских евреев в Израиль, по дальнейшей политической линии СССР в отношении Израиля, содержащей также и анализ внешнеполитической позиции Израиля. Часть этих документов была уже опубликована.

Таким образом даже краткий обзор доступных для исследователей архивных документов, хранящихся в ряде московских архивов, показывает, что существуют достаточно широкие возможности для дальнейшего изучения отношений между СССР и еврейской общиной в Палестине и между Советским Союзом и Израилем.

И. В. Лукьянов

**Писатель, журналист, политический агент, востоковед:
бумаги Сергея Николаевича Сыромятникова**

Фигура С. Н. Сыромятникова (1864–1933) — одного из ведущих авторов «Нового времени», публициста, участника ряда негласных внешнеполитических предприятий (Корея, Персидский залив), редактора правительственного официоза «Россия» при П. А. Столыпине — до начала 1990-х гг. была крайне слабо известна отечественному

доступны для исследователей, это прежде все материалы, которые находятся в Архиве внешней политики РФ. Однако значительная часть документов, касающихся отношений между Советским Союзом и Израилем за период с 1941 по 1953 гг., опубликована в двух книгах первого тома сборника «Советско-израильские отношения». Хотелось бы надеяться, что и материалы, относящиеся к последующему периоду, с 1954 по 1967 гг., будут опубликованы, как это и было зафиксировано в соглашении между архивными ведомствами России и Израиля.

Важные и информативные документы по названной здесь теме хранятся в целом ряде московских архивохранилищ. Это Государственный архив РФ, Архив социально-политической истории и Российский государственный архив новейшей истории. В первом из названных архивов, в ГАРФе, материалы, касающиеся политики СССР в отношении Израиля, хранятся в фонде Верховного Совета СССР. Это, в частности, документы, связанные с разрывом дипотношений в июне 1967 г.; в фонде Главного управления по охране государственных тайн в печати, где например, имеются заключения органов цензуры, касающиеся политики Израиля. Представляют значительный интерес архивные материалы, отложившиеся в фонде Комитета по культурным связям с зарубежными странами при Совмине СССР. Это, например, «Переписка с Посольством СССР в Израиле, министерствами и другими организациями СССР о культурных связях СССР и Израилем за 1959–1964 гг.» Значительное место занимают хранящиеся в этом фонде записи бесед с общественными и политическими деятелями Израиля. В еще в одном фонде ГАРФа, фонде Исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, содержатся документы о контактах этой организации с Красным Щитом Давида.

Обратимся к другому архивохранилищу, РГАСПИ. Здесь представлены материалы об отношениях с еврейским ишувом Палестины в 1920–1930-х гг., в том числе с Коммунистической партией Палестины, о взаимоотношениях КПП с Коминтерном и множество других документов.

Документы РГАНИ в основном охватывают период уже после

ленными примечаниями и уточнениями переводчика, которые по общему объему превышают собственный текст перевода. В завершение русский синолог представил «Схему-таблицу Китайских императоров», начиная с 2952 г. до н.э., начала правления «основателя Китайской Империи императора Фу-Си», до 1861 г.

Рукописные работы русских востоковедов отражают развитие российской науки в XVIII — начале XX в. и знания о Центральной и Восточной Азии. Особую ценность представляют наименее изученные рукописи XVIII в., а также работы конца XIX в. — начала XX в. Эти исторические документы нуждаются в дальнейшем научном изучении и введении в научный оборот.

Г. В. Длужневская

**Фонд М. Н. Потоцкого и И. А. Потаповой — наследников
художника И. Я. Билибина — в фотоотделе Научного архива
Института истории материальной культуры
(Санкт-Петербург)**

Фонд включает фотографии и негативы (по предварительным подсчетам около 6000 единиц хранения), сделанные самим И. Я. Билибиным во время его путешествий по Востоку, и открытки, изданные в 1900-е–1920-е годы, купленные Билибиным и теперь являющиеся совершенно неоценимым богатством по истории, культуре и этнографии Египта. В данном случае мы рассматриваем только материалы по Египту.

Открытки распределены нами на несколько серий, условно названных «Мужчины», «Женщины», «Природа», «Сценки жизни египтян», «Архитектура». В целом учтено 290 открыток. Думаю, что такого со-

брания открыток по Востоку, и в данном случае по Египту, не имеется ни в одном архиве.

Открытки и фотографии трудно описывать без показа изображения. Однако приведем несколько описаний: в серии «Мужчины» более всего — мужчин-водоносов, все они различаются по емкостям, в которых разносилась вода, одежде и прочему. В серии «Женщины» показаны их занятия, но что более интересно, их национальные костюмы и головные уборы.

«Природа», естественно — это, с одной стороны, Нил, с другой — пустыня, и, конечно, извечный спутник африканского кочевника — верблюд.

Наконец, архитектура. В открытках представлены старые кварталы Каира, виды улиц, а также основные мечети, их внешние виды и интерьеры. Серия фотографий великолепна, качество открыток тоже.

Х. М. Доного

Четвертое пополнение 2-го Дагестанского конного полка

Материалы дела, хранящегося в Центральном государственном архиве Республики Дагестан (ЦГА РД. Ф. 2. Канцелярия Военного Губернатора Дагестанской Области, г. Темир-Хан-Шура. Оп. 6. Д. 39. Циркуляры, журналы заседания, рапорты и воззвания Военного губернатора Дагестанской области о подготовке к мобилизации туземцев, пополнении Кавказской туземной конной армии, ее снабжении, формировании и списки лиц, изъявивших желание стать добровольцами. 1916–1917 гг. 238 л.), характеризуют достаточно нервную обстановку в области, с которой столкнулись местные власти в конце 1916 г.

События марта 1885 г. в Пендинском оазисе и последовавший за ними кризис заставили и Российскую империю задуматься о необходимости информационной поддержки внешнеполитических шагов. Опубликованные донесения русских офицеров с мест событий стало наиболее удачным ответом на тезис о «русской угрозе» Афганистану и Индии.

Среди таких опубликованных источников видное место занимает «Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией 1872–1885 гг.» (Издание Мин-ва иностр. дел. СПб., 1886). Российские и советские историки считали данное издание наиболее полным и авторитетным сборником. Однако после исследования материалов фондов РГВИА удалось выяснить, что некоторые из представленных документов в силу политической обстановки и идеологических установок второй половины 1880-х гг. были подвергнуты цензурной обработке.

А. Е. Локшин

Документальные материалы по истории отношений СССР с еврейской общиной Палестины (ишувом) и государством Израиль в московских архивах (1920–1991 гг.)

В московских архивах хранится большое количество архивных материалов, касающиеся истории отношений между Советским Союзом и государством Израиль (1948–1991 гг.), а также за период до создания Израиля, когда, как принято называть это время в историографии, «государство находилось в пути» (1920–1948 гг.). Эти материалы касаются политических, экономических и культурных контактов между двумя странами. К сожалению, далеко не все архивные документы

ращал внимание российского правительства на то, что на острове обнаружены запасы каменного угля, на что «американцы не преминут обратить свое внимание. Китоловы плавают как у наших азиатских владений, так и у берегов наших владений в Америке». Он предупреждал правительство об опасности захвата острова американцами и предлагал принять меры к освоению южной части острова.

В труднейших условиях России удалось подписать договор с Японией, но о Сахалин остался «неразделенным между Россией и Японией». В русско-японских отношениях остров долго оставался камнем преткновения по целому ряду причин.

Н. Н. Лисицына

Цензурная обработка официальной публикации документов по демаркации границ в Афганистане в 1885 г.

Англо-русские противоречия в Азии второй половины XIX в. были лейтмотивом международных отношений этого периода. Азиатская и европейская политика ведущих мировых держав и объединенной Германии корректировалась с учетом остроты среднеазиатского вопроса в диалоге Лондон — Петербург.

Понимая значимость и значительность общественного мнения, обе стороны подробно освещали «шаги по достижению добрососедских отношений в Азии». Известные «Parliamentary Debates» (Hansard's Parliamentary Debates. Series 3. Vol. 294–297. London, 1885) на основе отчетов английских офицеров, официальных сообщений внешнеполитического ведомства и парламентских прений чрезвычайно ярко описывали события, предшествовавшие демаркации русско-афганской границы.

Ввиду значительных потерь в Кавказской туземной конной дивизии требовалось постоянное пополнение действующих полков дивизии, в том числе и 2-го Дагестанского. В начале октября 1916 г. в Дагестан с фронта прибыл подполковник Нух-бек Тарковский для набора четвертого пополнения. Для 2-го Дагестанского конного полка требовались добровольцы, или, как их тогда называли, «охотники», причем кроме казенного пособия власти обещали добровольцам еще и денежное пособие «из сумм, ассигнованных на это сельскими обществами». Определенные надежды для успешной агитации горцев возлагались на кадиев и сельских мулл. Причины трудностей набора добровольцев объяснялись тем, что ранее уже более трех тысяч человек ушли на войну, много молодежи поступило на службу в полицейские стражи других губерний, в команды по охране военнопленных и на работы по найму в разные предприятия. То есть контингент годного к военной службе населения почти истощился. Предполагалось принимать в полк даже кровников, считая, что это «хороший контингент добровольцев». При этом семьи добровольцев освобождались от всякого рода повинностей и налогов. Примечательно, что в селе Хрюк Самурского округа после прочтения воззвания к местным жителям жительница этого селения обратилась к начальнику участка с просьбой принять ее на службу в ряды армии, «и этот искренний порыв женщины послужил поводом к тому, что тотчас же из этого общества записались три добровольца». Но главным стимулом для добровольцев оставалась материальная сторона, в связи с чем пособие семьям охотников стали выдавать в размере от 250 до 300 рублей, в зависимости от собранной сельским обществом суммы, сразу же, как только доброволец принимался на службу. Все эти меры позволили к марту 1917 г. набрать четвертое и последнее пополнение в количестве 256 человек.

В. В. Досовитская

**Маньчжуро-Монголия в планах Японии
накануне Второй мировой войны
(по материалам российских архивов)**

В последнее время стали возможны исследования по ранее не входившим в научный оборот архивным материалам. Проблемы, которые до рассекречивания архивов либо вообще не рассматривались, либо рассматривались под влиянием советской идеологии, получают новое истолкование.

Маньчжуро-Монголия — это три северо-восточные провинции Китая (Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин) и автономный район Внутренняя Монголия КНР. Этот термин не распространен в отечественной историографии, и вопрос политики Японии в этом регионе рассматривался российскими историками частично. «Маньчжуро-Монголия» присутствует в материалах архивов, и вероятнее всего происходит от японского термина «маммо», что и означает «Маньчжуро-Монголия». В первую очередь следует рассмотреть документы Российского Государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ).

Наибольшее количество материалов, посвященных политике Японии в Маньчжуро-Монголии, было зафиксировано в РГАСПИ в фонде №495 (материалы Исполнительного комитета Коминтерна за 1919–1943 гг.), в описях №127 (Коммунистическая партия Японии) и №154 (Восточный секретариат ИККИ). Кроме того, документы фонда №532 (РГАСПИ) также представляют интерес. Это материалы Коммунистического университета трудящихся Востока за 1921–1938 гг., Научно-исследовательского института национальных и колониальных проблем за 1936–1939 гг.

рой половине XIX в. всю систему государственной власти Китайской империи.

Н. Ф. Лещенко

**Остров Сахалин в русско-японских отношениях.
XVIII — XIX вв.**

В конце XVIII в. международная обстановка на Дальнем Востоке начинает меняться. После промышленного переворота в Англии, провозглашения независимости США, буржуазной революции 1789 г. во Франции эти три государства стали настойчиво добиваться насильственного включения стран Дальнего Востока в мировой капиталистический рынок и уделять серьезное внимание северной части Тихого океана, особенно США. Для развития американской торговли в мировом масштабе ее флоту требовались промежуточные стоянки, чтобы снабжать суда углем, водой, продовольствием. Кроме того, в этом районе американцы активно занимались китобойным промыслом, только в 1851 г. через Сангарский пролив прошло более 170 американских судов.

В связи с этим для России встал вопрос о необходимости защиты ее интересов на Тихом океане. После того, как было определено островное положение Сахалина, расположенного против устья Амура, он приобрел стратегическое значение для России.

7 октября 1852 г. в Японию было отправлено посольство во главе с Е. В. Путятиным, одной из важных задач посольства было решение вопроса о границах, в том числе предстояло решить проблему с Сахалином, поскольку статус острова никакими договорами на тот момент определен не был. В депешах, отправляемых из Японии, Путятин об-

та. С другой стороны, в Пекине понимали, что установить полный контроль над этой группой кочевников весьма непросто (особенно над ханами Северной Монголии). Монгольская военно-политическая элита, формально признававшая свое данническое положение перед Пекином и проявлявшая лояльность к новой власти, тем не менее продолжала сохранять в своих племенах реальную власть.

В этой связи от продуманности и дальновидности политических решений маньчжуров во многом зависело то, насколько стабильным в политическом плане будет этот стратегический для них регион. С учетом этого маньчжурские правители пытались закрепить эти земли за империей не только путем установления над ними военного и экономического контроля, но и через разработку серии юридических норм, правовым образом оформлявших включение Монголии в состав маньчжуро-цинской империи.

Законотворческая деятельность маньчжурских властей на монгольском направлении развивалась весьма активно. За короткий период (когда были завоеваны южные и северные монгольские княжества) маньчжуры разработали и распространили в Монголии четыре сборника правовых актов, а также значительное количество разрозненных указов цинских монархов.

Разработка и распространение в монгольских княжествах в ранний период династии Цин маньчжурских законов создали благоприятные условия для подготовки в Палате по делам вассальных территорий (*Ли-фаньюань*), которая курировала контакты Пекина с монголами, более совершенного корпуса правовых документов — «Уложения Палаты по делам вассальных территорий», значительная часть содержания которого была посвящена монгольским делам. С появлением «Уложения» кодификация монгольского обычного права в интересах этого сборника права была продолжена. За всю свою историю оно дорабатывалось и обновлялось пять раз, причем три последних кодификации проходили на фоне глубокого политического кризиса, поразившего во вто-

Ревизские описи тунгусов Урульгинской Степной Думы как ценный ономастический материал

В рамках поддержанного РГНФ гранта с целью изучения архивных документов Урульгинской Степной Думы первичным этапом исследования являлся этап сбора и систематизации (генонимов) родоплеменных названий тунгусского населения. В этих целях исследованы следующие фонды Государственного архива Забайкальского края: 1; 19; 31; 55; 300 и другие, содержащие документы о тунгусах. Также исследованы фонды Государственного архива Агинского Бурятского автономного округа ф. 5; 6; 7; 8; Государственного архива Республики Бурятия ф. 7; 10.

Из ряда архивных документов указанных фондов можно выделить ревизские описи туземного населения Урульгинской Степной Думы или т.н. «ревизские сказки». Известно, что в Российской империи было проведено 10 ревизий — с 1719 г. по 1858 г. Одним из самых ранних документов по переписи туземного населения исторической Даурии является документ ф.1, оп.1/5, д. 17513 «Дело о переписи по Государству мужеска и женска полулюдей», которое датировано 1816 годом. В этом документе согласно данным о родах тунгусов записано всего 41 родовое сообщество с учетом 3 т.н. «орочонских» родов [л. 452, л. 452 об.] — Бултегерского, Эгдерельского и Чилчагирского. Именно этих тунгусов, судя по их антропонимикону, можно считать этническими эвенками.

Ценный источниковедческий материал представлен документами ф. 55, дела которого являются сводом ревизских сказок по каждой из инородных управ Урульгинской Степной Думы — Урульгинской, Шундуинской, Оловской, Маньковской, Кужертаевской и Онгоцонской. Выявлено при исследовании дел этого фонда число родовых сообществ, в том числе основных генонимов тунгусов Степной Думы

и число патронимов, подродовых сообществ под началом отдельного засола или старшины. Среди тунгусских родов имеются три рода «бродячих» тунгусов — Бултегерский, Никаганский род бродячих эвенков и Никагирский род, 84 ревизские души которого были уже крещеными [ф. 55, оп. 2, д. 65].

К Урульгинской инородной управе относились 6 родов; к Оловской инородной управе 7 родов; к Шундуинской управе — 4 рода; Маньковской управе — 9 родов; Онгоцонской управе — 3 рода; тунгусы Кужертаевской управы состояли из 6 родов. Изучение именованных родов показало, что некоторые роды были полностью окрещены к ревизии 1858 г., что и обусловило «появление» государственных крестьян Нерчинского уезда, пополняемого из числа русских переселенцев в последующие столетия.

Н. А. Жерлицына

Кризис в тунисской Бизерте (1961–1962 гг.) в освещении советской прессы

Центральной проблемой внешней политики Туниса в начале 1960-х годов был вопрос о ликвидации иностранного военного присутствия в стране. Упорный отказ Франции эвакуировать военную базу в Бизерте и то значение, которое тунисское правительство и лично президент Бургиба придавали этому вопросу — а он стал центральным как во внешней, так и во внутренней политике Туниса — привели к вооруженному конфликту. 17 июля 1961 г. Бургиба призвал тунисский народ к «битве за Бизерту». Когда тунисские войска и добровольцы блокировали базу, Франция ответи-

новится интересно проследить и узнать численный, конфессиональный и этнический состав эялета Кефе.

Для исследования этнического, конфессионального и численного состава населения эялета Кефе в XVI–XVIII вв. были использованы материалы турецких дефтеров XVI в.; путевые заметки, оставленные западными, турецкими и русскими путешественниками; данные русских источников XVIII в. — «Камеральное описание Крыма». На основании изученных источников становится возможным проследить изменения в составе населения полуострова. Собранные материалы систематизированы в таблицах, составлены графики и диаграммы, которые наглядно показывают численный и конфессиональный состав населения эялета Кефе.

П. А. Лапин

Основы маньчжурского законотворчества в монгольских княжествах в Китае во время династии Цин (вторая четверть XVII — вторая половина XIX в.)

Монгольские княжества и ханства, первыми вошедшие в состав Цинской империи в первой половине — конце XVII в., в стратегическом плане были весьма важны для пекинских властей. С одной стороны, этот приграничный район был своеобразной буферной зоной, отделявшей центральные области Китая от России, с которой в то время имелось немало нерешенных вопросов, включая пограничные. Монголы также являлись составной частью цинской «восьмизнаменной» армии и входили в состав государственного аппара-

О. М. Курникова

**Население эялета Кефе в XVI–XVIII вв.
по материалам турецких и российских архивов**

Территория Крыма с самых давних времен была местом активных контактов населения. Многие народы побывали на этой земле и оставили значительные следы своего пребывания. Это и различные неисчислимые кочевые племена, которые сменяли друг друга на степных просторах Крымского полуострова; это и тавры — древнейшее племя Крыма; это и греческие колонисты, основавшие новые города на побережье Черного моря; это и римляне, русские, армяне, евреи, венецианцы, генуэзцы, татары и турки.

В 1475 г. Османская империя завоевала Крымский полуостров со всеми портами на Черном море, чем не только значительно расширила свои территориальные владения, но и открыла для себя новые возможности как в военном отношении, так и в торговом. Для Крыма же начался новый период в истории, когда на смену грекам, византийцам и генуэзцам пришли османы, принеся с собой новые порядки и другую религию. Во внутренней степной части Крымского полуострова расположилось Крымское ханство, которое стало вассалом Османской империи. Прибрежная же часть полуострова, называемая Южным берегом Крыма; Керченский и Таманский полуострова стали принадлежать непосредственно турецкому султану и образовали санджак, который носил название — Кефская лива. Впоследствии преобразован в эялет Кефе.

Крым во все времена оставался полиэтничным и многонациональным. В османский период Крыма состав населения полуострова также был неоднороден и разнообразен, так как османы, завоевав Крымский полуостров, не истребили местное население, а составили с ним некий конгломерат. Наравне с турками здесь проживали греки, армяне, евреи, генуэзцы, византийцы и другие народы. В связи с эти ста-

ла необычайно жестко: в военной операции против жителей Бизерты участвовали сухопутные, воздушные и морские силы бывшей метрополии.

С самого начала конфликта СССР занял ясную позицию по поддержке тунисского народа как в Совете Безопасности ООН, так и во время встречи в Москве госсекретаря Туниса по иностранным делам С. Мокаддема с генеральным секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущевым и министром иностранных дел СССР А. А. Громыко.

Советская пресса посвятила ситуации в Бизерте целый ряд публикаций в 1961–1962 годах. Подробно описывая как сами военные действия, так и дипломатическую борьбу вокруг тунисского вопроса, журналы «Азия и Африка сегодня» и «Новое время» безусловно осуждали французскую агрессию и выражали поддержку борьбе тунисского народа. Но главным лейтмотивом всех публикаций было разоблачение «истинного лица Запада», практическое подтверждение правоты антиимпериалистических постулатов советской идеологии.

Т. Н. Загородникова

К вопросу о сотрудничестве в архивных исследованиях

Работа в архивах, как мне представляется, как никакая другая требует кооперации и сотрудничества. Исследователь, проживающий в Москве, как бы усердно ни работал, не может досконально изучить такие архивы, как РГАЛИ, РГВИА и пр. А что делать, если тема исследования подсказывает, что нужные документы лежат в архивах других городов/стран? Здесь и встает проблема сотрудничества.

К чести исследователей архивов следует отметить открытость и готовность поделиться своими наработками. Хуже обстоят дела с так называемыми внешними запросами. Лет 5–7 тому назад к нам в Центр индийских исследований позвонили из Музея МХАТ и попросили дать справку о Сухраварди. Я предоставила им имевшуюся информацию. Когда же мне потребовались фотографии этого Сухраварди, то у меня потребовали официальное письмо, а потом сказали, что у них их нет. Недавно вышел дневник М. Н. Германовой, где есть и два портрета Сухраварди. В этом году я специально пошла в Музей МХАТ, чтобы посмотреть, есть ли там письма Шахида, но оказалось, что этот фонд не разобран, а И. Л. Корчевникова, бывший директор музея, опубликовавшая дневник актрисы, теперь стала директором театра кукол Образцова. В телефонном разговоре она заверила меня, что вышлет мне имеющиеся у нее материалы. Ждем-с (уже несколько месяцев).

Другого рода сотрудничество сложилось у меня с сотрудником Русского музея И. И. Арской, которая попросила меня помочь прояснить судьбу художницы-футуристки Н. И. Любавиной. Она активно участвовала в выставках, но в середине 1920-х гг. пропала. По некоторым данным она вышла замуж за «индуса»(?) и уехала за границу. По документам РГАЛИ, Архива М. Горького (ИМЛИ РАН) и ГАРФ мне удалось узнать, что она работала в Торгпредстве России сначала в Константинополе, потом в Милане. После увольнения в период «чисток» она устроилась простой рабочей на керамический завод в Салерно, чтобы, изучив это производство изнутри, впоследствии делать эскизы для новых изделий (1928 г.). Здесь ее биография обрывается.

оставил после себя большое научное наследие по языку, фольклору, истории монгольских народов. Значительная часть его трудов осталась в рукописях и находится в Архиве востоковедов ИВР РАН. Наибольшая часть материалов связана с изучением А. В. Бурдуковым монгольского фольклора. Особый интерес представляют записи, сделанные им во время научных экспедиций в калмыцкие степи (в 1929 г. — к сарт-калмыкам; в 1932 г. — в Калмыцкий район Северо-Кавказского края; в 1934 г. — к волжско-донским калмыкам; в 1939 г. — в Калмыцкую АССР и Ростовскую область), позволившие ему приобрести серьезный опыт обработки и анализа материала и написания научных трудов, таких, как «Разговорник монгольского языка с подробным оглавлением каждого урока, подстрочным и алфавитным словарями», «Русско-монгольский словарь разговорного языка», «Монгольско-русский словарь», вышедшие в 1930-е гг. в Ленинграде.

Не всем планам ученого было суждено осуществиться: он был арестован в 1941 г. и погиб в лагункте Тайгинского района Сиблага в 1943 г.

В Архиве востоковедов ИВР РАН (ф. № 165) хранится эпистолярное наследие ученого: письма учителям, коллегам, родственникам, документы биографического характера, прошения, контракты, переписка с издателями. В личном архиве А. В. Бурдукова имеются уникальные фотографии: портреты его коллег и друзей, знати и простолюдинов, виды Улясутая и Кобдо, пейзажи и постройки начала XX в.

В докладе дается характеристика материалов, которые вводятся сотрудниками ИВР РАН в научный оборот и скоро будут доступны широкому кругу исследователей.

в мошенничестве. Маллицкая вспоминает, что коренное население Ташкента сразу придумало ему прозвище — «турмачи» (тюремщик). Адвокат Буковский, защищавший Ариф-Ходжу, выиграл в конце концов дело, за что Ариф-Ходжа построил ему роскошный дом стоимостью в полмиллиона рублей.

Семья известного в Туркестане педагога, инспектора народных училищ Сыр-Дарьинской области Сергея Михайловича Граменицкого тоже была дружна с семейством Маллицких. У Граменицкого был прекрасный тенор, но из-за тяжелой болезни он не смог продолжить творческую карьеру. В общественных местах он никогда не пел. Пел только дома или на даче в Чимгане один, или заставлял петь хором всю семью. В конце раздела, посвященного семье Граменицких, Елизавета Николаевна в постскриптуме написала: «Мало и скучно написала я о жизни талантливого человека — одного из просветителей края».

Немного перефразировав эту фразу, скажем — как мало написано о жизни талантливых людей, сформировавших уникальную, но практически неизученную общность «русских туркестанцев».

И. В. Кульганек

**А. В. Бурдуков (1883–1943) в Архиве востоковедов
Института восточных рукописей РАН**

Алексей Васильевич Бурдуков, известный монголовед-филолог, знаток этнографии и разговорного монгольского языка, общественный деятель, популяризатор общественно-гуманитарных знаний, организатор первой светской школы в Западной Монголии,

**Российская Центральная Азия в канун Первой мировой войны
(по материалам «The Times» и «Country Life»)**

В мае — августе 1914 г. в английских изданиях «The Times» и «Country Life» было опубликовано 16 статей, посвященных южным территориям Российской империи — от берегов Каспийского моря до Алтая. Это были путевые заметки уже достаточно известного писателя и путешественника Стивена Грэма (Stephen Graham, 1884–1975). Вообще целью Грэма был Дальний Восток, но он не успел добраться туда: началась война.

Для Грэма это была далеко не первая поездка по Российской империи. С 1906 г. он несколько раз бывал здесь «как турист». А в 1909 г. приехал в Россию надолго. Первая остановка — Северный Кавказ. Там он прожил почти год. Итог — первая книга, «Бродяга на Кавказе». Публике понравилось, тираж разошелся быстро. Затем последовали новые поездки... И новые книги.

Грэм повторил путь Ломоносова — пешком и на лошадях от Архангельска до Москвы, причем не зимой, по быстрому и легкому санному пути, а в начале лета, когда еще не исчезли полностью тяготы распутицы (книга «Неоткрытая Россия»). Он обошел пешком все северное побережье Черного моря («Очерки бродяги»). Ездил с русскими паломниками на Пасху в Иерусалим, причем в качестве спутников выбрал группу крестьян из Нечерноземья («В Иерусалим с русскими паломниками»). Вместе с беднейшими русскими эмигрантами проплыл до Америки («В Америку — с бедными эмигрантами»). И каждой поездке была посвящена отдельная книга.

Статьи о поездке в Центральную Азию двумя годами позже были также сведены в книгу.

Грэм описывает свое путешествие — сначала по железной дороге, затем на почтовых, а потом и пешком. Прекрасное знание русско-

го языка дало ему возможность не только увидеть «парадную» сторону этого региона, но и разобраться в повседневной жизни городов и деревень.

Значительное место в статьях Грэма уделено столыпинской земельной реформе и ее осуществлению на землях Туркестана, Семиреченской области и Западной Сибири. При этом автор не просто описывает строительство новых деревень и хуторов, но и приводит официальные документы, статистику. Помимо этого, очень интересны описания железной дороги и вообще транспортной ситуации в регионе.

Заметки Стивена Грэма, написанные прекрасным языком и проникнутые искренним интересом и любовью к Российской империи, незаслуженно забыты исследователями.

А. Ш. Кадырбаев

К вопросу о Русской Америке (по материалам РГА ВМФ)

Вопрос о судьбе Русской Америки, заморских владений Российской империи — Аляски, части Калифорнии, Алеутских островов — встал на повестку дня в начале 1850-х гг. Инициатива о продаже Русской Америки исходила от генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева, который весной 1853 г. подал Николаю I, императору Всероссийскому, записку, где подробно изложил свои взгляды на данную проблему. Он указывал, что «владычество Северо-Американских Штатов во всей Северной Америке так естественно... и нам нельзя не иметь в виду, что рано или поздно придется им уступить североамериканские владения наши». Удел России, по мысли Муравьева, — го-

«Уходящая натура...»

Визуализация образов Русского Туркестана в воспоминаниях Елизаветы Николаевны Маллицкой

В Центральном государственном архиве Республики Узбекистан (ЦГА РУз) хранится много уникальных документов, способных визуализировать, оказав исследователю неоценимую помощь, образы уходящей природы, существовавшей в конце XIX — начале XX в. под названием Русский Туркестан.

В личном фонде Николая Гурьевича Маллицкого — географа, историка, краеведа, первого выборного главы городского самоуправления Ташкента — сохранились воспоминания его дочери Елизаветы Николаевны Маллицкой.

Воспоминания посвящены целому ряду выдающихся личностей дореволюционного Туркестана, окружавших семью Маллицких.

Самая большая часть воспоминаний Маллицкой — это страницы, рассказывающие о судьбе ее отца Николая Гурьевича. Мать Елизаветы, Ольга Николаевна Маллицкая, урожденная Остроумова, была дочерью известного в Туркестане и далеко за его пределами педагога и востоковеда Николая Петровича Остроумова. Николай Петрович оставил большой архив, хранящийся также в ЦГА РУз. И если о Николае Петровиче в советской и современной российской и узбекской историографии написано много, то о его жене, Ольге Дмитриевне, практически ничего не известно. А между тем она была интересной личностью. Ее называли «маленькая женщина с большим сердцем», или «золотое сердце». Она активно занималась благотворительностью. Сумела в начале XX в. на собранные деньги построить столовую, сама с поваром ездила за продуктами, сама следила за обедами.

Другие воспоминания Елизаветы Маллицкой посвящены известному ташкентскому миллионеру Ариф-Ходже. В 1911 г. он был обвинен

сти историю. Одним из интереснейших ее периодов является конец 1890-х — 1920-е годы, время зарождения китайских мобильных уличных и стационарных театров в городах Дальнего Востока России — Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске, что способствовало формированию на территории молодого российского дальневосточного региона феномена культурного пограничья, «перекрестка цивилизаций», многополярного культурного мира.

Значительное число мигрантов из Поднебесной в русских дальневосточных городах способствовало формированию крупных компактных поселений — китайских кварталов. Уже в конце XIX в. местные газеты отмечали, какой «яркой экзотикой поражает всякого приезжающего во Владивосток китайская часть города». Восточные уличные театры поражали своей красочностью, превращая многоязыкое население городов в публику.

Страстная тяга китайцев к развлечениям и зрелищам обусловила настоятельную потребность не только в уличных представлениях, но и в создании театров, действующих временно или на постоянной основе с труппой из нескольких десятков артистов и оркестром музыкантов. В русских городах на Дальнем Востоке рассматриваемого времени такие театры как островки «маленького Китая» становились неотъемлемым элементом регионального культурного ландшафта, придавая ему неповторимое очарование.

Особый интерес автора вызывает разнообразие визуальных и вербальных впечатлений востоковедов, журналистов, музыкантов, знакомящихся с музыкой и театральным действием Восточного театра.

сподство на «азиатском прибрежье Восточного (Тихого. — А. К.) океана», т. е. в Приамурье, Уссурийском крае, на Сахалине и Камчатке. Там она сталкивается с английским влиянием, «но дело это еще может поправиться тесной связью нашей с Северо-Американскими Штатами». Таким образом, Муравьев питал определенные иллюзии в отношении американцев как союзников на длительную перспективу. К точке зрения генерал-губернатора Восточной Сибири склонился великий князь К. Н. Романов, младший брат императора Александра II и морской (военно-морской) министр Российской империи, когда в 1857 г. в обстановке «совершенной секретности» в правящих кругах Российской империи обсуждался этот вопрос. При этом ведомство А. М. Горчакова — Министерство иностранных дел России «вполне разделяло» мнения великого князя и генерал-губернатора Восточной Сибири. Первоначально предполагалось ограничить эту уступку «одними землями, в Северной Америке находящимися... Алеутские и Курильские острова могли бы остаться во владении России...»

Первые лица Государства Российского понимали, что России было трудно одновременно осваивать Приамурье с Уссурийским краем и удерживать во владении России малонаселенную русскими Русскую Америку под нарастающим давлением Великобритании и Соединенных Штатов в условиях обширных географических пространств, столь удаленных от основных центров империи и отделенных от нее толщей вод Тихого океана, где было незначительно российское военно-морское присутствие. Тем более что после поражения в Крымской войне Россия в целом, а ее военно-морской флот в частности, были сильно ослаблены. Перед российскими политиками вставал вопрос: что важнее для империи — Камчатка с Сахалином, Приамурьем и Уссурийским краем или Русская Америка? В высшем эшелоне власти Российской империи возобладало мнение о необходимости концентрации усилий государства на одном приоритетном направлении, а именно, на присоединении и освоении Приамурья и Уссурийского края, Сахалина, укреплении позиций на Камчатке, что, вероят-

но, и явилось одной из главных причин, обусловивших сдачу Россией позднее, в 1860-х гг., ее позиций на Американском континенте.

А. А. Карташов

Характеристика режима Надир-шаха в Афганистане в документах Центрального архива ФСБ России. 1929–1933 гг.

В предлагаемом докладе на основе анализа документов Центрального архива ФСБ России рассматривается эволюция взаимоотношений Советского Союза с Афганистаном после окончания гражданской войны и прихода к власти Надир-шаха. Приводятся новые и уточняются известные факты политической борьбы в Афганистане, причины и мотивы признания Советским правительством короля и установленного им режима. Кроме того, освещаются обстоятельства охлаждения отношений между Советским руководством и сторонниками свергнутого короля Амануллы-хана, прослеживается судьба некоторых из них, эмигрировавших в СССР.

Основные вопросы, рассматриваемые в докладе:

— Установление власти Надир-шаха, его враги и союзники. Проблемы внешнеполитической ориентации Афганистана при новом правителе. Внутренняя политика Надир-шаха и причины укрепления в стране новой правящей династии.

— Причины и последствия отказа Надир-шаха в поддержке среднеазиатской эмиграции в ее борьбе против СССР и вытеснения из Афганистана активных лидеров басмачей.

— Политическая деятельность сторонников Амануллы в Афганистане и в эмиграции. Попытки амануллистов заручиться поддержкой

или без таковых представляют собой широкое разнообразие видов дипломатической переписки и внутриведомственных информационно-аналитических разработок. Напечатанные или составленные от руки доклады, меморандумы, записки, заметки, наброски и проекты докладов, оперативные депеши, телеграммы, официальные и частные письма методично складывались в текущем, а затем в постоянном архиве Колониального офиса в Лондоне.

Круг ведомств, причастных к «производству» документов, достаточно широк и включает как лондонские учреждения, так и ближневосточные представительства Его Величества. Среди первых следует назвать Форин Офис, кабинет министров, Комитет начальников штабов, адмиралтейство и другие. Ко второй группе «авторов» относятся посольства, миссии, консульства, штаб-квартиры британских войск на Ближнем Востоке.

Документы Библиотеки Асада содержат новое знание о стратегии, тактике, инструментах ближневосточной политики Великобритании в период с 1914 г. по начало 1950-х гг., а также о динамике международных отношений и развитии стран и территорий Ближнего Востока.

В. А. Королева

Музыка и театр Востока в восприятии отечественных и зарубежных исследователей конца XIX — начала XX в. По материалам Российского государственного исторического архива Дальнего Востока

Проблема интереса российской и европейской публики к искусству стран Дальнего Востока имеет значительную по протяженно-

назначался штатный консул МИД с одновременным пребыванием там К. П. Камсаракана, но уже в должности вице-консула в Хаме.

Учреждение консульства в Дамаске в 1893 г. демонстрирует эволюцию представлений России о специфике своего присутствия в Сирии: от военно-стратегической доминанты, когда роль дипломатов выполняли кадровые разведчики, к формированию учреждений «двойного» назначения, с усилением в их деятельности религиозной функции.

А. А. Корнилов

Коллекция документов британского Министерства по делам колоний в Библиотеке Асада (Дамаск): происхождение, комплектование, описание, источниковая ценность

Сборники документов британского Министерства по делам колоний, а также Форин Офис, отложившиеся в Библиотеке Асада (Дамаск, САР), содержат фотокопии оригинальных документов, хранящихся в Великобритании. Копирование материалов, вероятно, производилось сотрудниками министерства обороны Сирии. Сотни несброшюрованных листков долгое время пребывали в Музее войны (Аль-матхаф аль-харби) Дамаска, который относится к военному ведомству. В 1987 г. минобороны осуществило передачу материалов Библиотеке Асада.

Отдел каталогов и классификации Библиотеки произвел брошюрование, нумерацию страниц и в целом систематизацию столь ценных материалов. По завершении этой работы британские документы стали доступными специалистам, которые могли заказать их через каталожные номера 956.102 и последующие инвентарные указатели.

Британские документы с различными грифами секретности

Советского руководства. Обстоятельства и причины приезда Гулям Наби-хана Чархи в Афганистан в 1932 г. по приглашению Надир-шаха. Обвинение Гулям Наби-хана в заговоре и его казнь, репрессии сторонников Амануллы в Афганистане (1932 г.).

— Покушение на Надир-шаха в Кабуле в 1933 г. Политические последствия устранения Надир-шаха. Шансы Амануллы на возвращение к власти. Отношение Советского руководства к политической деятельности амануллистов в СССР в 1930-е гг. Переориентация Амануллы и его сторонников на Германию и Италию. Репрессии амануллистов в СССР.

— Причины и последствия сохранения династии Надир-шаха у власти в Афганистане.

Изабела Кончак

Письма профессора Тадеуша Ковальского академику И. Ю. Крачковскому, хранящиеся в СПбФ Архива РАН

Личный архив (фонд №1026) известного востоковеда-арабиста Игнатия Юлиановича Крачковского (1883–1951) хранится в СПб филиале Архива РАН. Фонд составляют: научные труды, документы о научно-организационной деятельности, биографические материалы, а также личная переписка ученого, состоящая из 1100 дел. Среди корреспондентов, с которыми переписывался И. Ю. Крачковский, были и польские востоковеды: Владислав Котвич, Зигизмунт Смогорзевский, Давид Кунстлингер, Тадеуш Левицки, Ананяш Зайончковски, Влодзимеж Зайончковски, Леон Кричински. Если некоторая

часть упомянутой переписки стала предметом исследований русских ученых-арабистов, в том числе и А. А. Долининой, которая использовала ее в своей замечательной работе «Невольник долга», то письма профессора Ягеллонского университета в Кракове Тадеуша Ковальского (1889–1948) не были никогда предметом научного исследования. В деле №450 хранятся 34 письма, 31 открытка и 2 визитные карточки. В период с 1924 г. по 1947 г. переписка велась с большой регулярностью, за исключением пятилетнего перерыва (1939–1945 гг.). Причиной упомянутого перерыва стала Вторая мировая война. Почти вся переписка на польском языке, лишь первое письмо и две открытки на французском языке. Наверно, это и была та причина, из-за которой письма профессора Т. Ковальского до сих пор не стали предметом изучения. Исследуемая в докладе переписка является бесценным источником сведений о польском востоковедческом окружении, состоянии востоковедения, прежде всего в межвоенный период. Особенностью данной переписки следует считать и тот факт, что кроме затронутых научных вопросов, хоть и в небольшой степени, переписка коснулась и личных, семейных дел.

Е. М. Копоть

Эволюция русских дипломатических учреждений в Сирии в конце XIX в. (по материалам АВПРИ и РГВИА).

Привлечение документов Архива внешней политики Российской империи и Российского государственного военно-исторического архива позволяет расширить представления об истории возникновения русских дипломатических учреждений в Сирии в 80–90-е гг. XIX в.

Проигрывая в торгово-промышленной конкуренции, русская дипломатия делала акцент на религиозную политику в регионе.

По иным — военно-стратегического характера — соображениям военное ведомство находилось в тесном взаимодействии с министерством иностранных дел. Военная разведка в Сирии действовала под прикрытием дипломатических агенств и вице-консульств. С этой целью в 1882 г. было учреждено вице-консульство в Хаме, в которое был назначен полковник Генерального штаба Я. Ф. Люндеквист. Центральное положение Хамы позволяло следить за состоянием войск V Армейского корпуса Османской армии. В августе 1884 г. в Хаму из Вана для аналогичной службы был переведен К. П. Камсаракан.

В 1889 г. в связи с реформой Бейрутского виляета был поднят вопрос о перемещении военного агента в Дамаск. В записке посла в Константинополе А. И. Нелидова сообщалось: «...многочисленные интересы наши в Дамаске делают весьма желательным присутствие там Русского агента... А потому казалось бы во всех отношениях полезным перевести в Дамаск нештатного вице-консула, содержимого Военным Министерством в Хаме и пребывающего ныне в Бейруте. Затем, со временем, если к тому представится удобный случай, желательно было бы заменить нынешнего вице-консула Камсаракана (армянина, грегорианского исповедания) православным агентом, ввиду церковных вопросов, могущих возникнуть в Дамаске, где имеет свое местопребывание Антиохийский православный патриарх».

К 1889 г. в должностные обязанности военного разведчика Кавказского военного округа стали входить и «церковные вопросы», что было одним из условий согласия МИД на перевод вице-консульства из Хамы в Дамаск.

В связи с Антиохийским патриаршим вопросом в 1893 г. МИД учреждает новое консульство в Дамаске с назначением туда православного дипломата А. П. Беляева (одновременно с удалением К. П. Камсаракана). Это решение предопределило столкновение с Военным министерством. Итогом стал ведомственный компромисс: в Дамаск